

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

Самиздат • Избранное • Выпуск 13

Свидетель по собственному делу и другие документы

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

Самиздат • Избранное • Выпуск 13

Свидетель по собственному делу и другие документы

ПОСЕВ 1974

Выходит 4 раза в год.

В этом выпуске «Вольного слова» собраны документы, свидетельствующие о правонарушениях в период до судебного преследования инакомыслящих — при обысках, допросах и в первой стадии следствия. Большинство документов принадлежит перу самих преследуемых. Даны также протесты представителей общественности против этих беззаконий. В дальнейшем мы намерены выпустить сборники документов, свидетельствующих о нарушении законности во время суда и после вынесения приговора, когда осужденный отбывает срок заключения.

Редакция

Прокурору города Москвы
от
гражданина О с и п о в а В. Н.

ЗАЯВЛЕНИЕ

С января 1971 года я издаю русский патриотический журнал «Вече». Его тематика: вопросы славянофильства и русской национальной мысли вообще, православие, русская история, литература, искусство. Журнал касается также некоторых других проблем: защиты окружающей среды, проблемы пьянства, охраны архитектурных памятников и т. п. Во всех вышедших в свет номерах «Вече» политическая тематика отсутствует. Редакция «Вече» занимает лояльную позицию к государству, а по отношению к внешней угрозе (например, китайской) единодушна с правительством.

Однако кому-то из аппарата КГБ и МВД понадобилось заткнуть рот русским патриотам, органом которых является журнал «Вече». Подслушивание телефонных разговоров, преследование меня агентами в штатском, обыски, издевательские приводы в милицию, снятие с меня отпечатков пальцев, четырехчасовые аресты — в ход пускается целая обойма «тихих» акций вопиющего произвола.

23 марта 1973 года беззаконие в обличии закона явилось на квартиру к моей машинистке Орловой Наталье Ивановне (Москва, Стрельбищенский переулок, дом 11, кв. 52), которая в это время перепечатывала по моей просьбе 7 номер журнала «Вече». Двое в штатском, без предъявления каких-либо документов, заявили, что являются сотрудниками КГБ и произвели обыск без санкции прокурора. Орлова Н. И., обманутая рассказами о якобы «враждебном» характере журнала «Вече», не протестовала против грабежа 7 номера и перепечатан-

ных ею материалов. Захваченные материалы неизвестные унесли с собой.

Я требую *возвратить* мне *седьмой номер* журнала «Вече» и предпринять меры к неповторению подобных инцидентов.

В. Н. Осипов

1 мая 1973 года

Мой адрес: Владимирская область, гор. Александров 2, село Рождествено
Осипову Владимиру Николаевичу.

Генеральному прокурору СССР т. Руденко

Копии: 1. Начальнику ГУМЗ* МООП** ССР

2. Прокурору по надзору Омской области

3. Начальнику учреждения УХ 16/7 Мамон-
тову

4. Совету родственников узников, осужден-
ных за Слово Божие

от Козорезовой Александры Ти-
мофеевны,

проживающей в г. Омске-66 по ул. 5 Се-
верная, д. № 41

ЗАЯВЛЕНИЕ

Мой муж, Козорезов Алексей Тимофеевич, 1933 года рождения, арестован 14 мая 1971 года и приговорен 23 июля 1971 года Омским областным судом по статьям 142 ч. II, 190¹ и 227 ч. I УК РСФСР к 5 годам лишения свободы с содержанием в лагере строгого режима, находится по адресу г. Омск-29 п/я УХ 16/7.

Как и положено, наша переписка проверяется цензором и оперуполномоченным. Я почти постоянно получаю письма от своего мужа через 7-9 и даже 14 дней после отправки им писем. Также и он получает от меня письма с задержками, а некоторых и совсем не получает.

В апреле 1972 года отрядный майор Суров решил вторично проверить письма, которые муж по-

---

* ГУМЗ — Главное управление мест заключения. — Р е д.

** МООП — Министерство охраны общественного поряд-
ка. — Р е д.

лучал от меня и от детей. В результате проверки были изъяты письма, в которых написаны выдержки из Библии.

При беседе со мной Суров сказал, чтобы я не писала в письмах своему мужу выдержек из Библии. Иначе мои письма не будут ему вручаться, или в них будут вычеркнуты все выдержки из Библии.

Библия не запрещенная книга. Это книга нашей жизни. Мы не представляем свою жизнь без Библии, без Бога. Да нам не запрещают этого и законы нашей страны. Атеисты и суд, осудивший моего мужа, стараются убедить нас, верующих, и все массы, что моего мужа и всех братьев осудили не за то, что они исповедуют Господа Иисуса Христа, а якобы за сопротивление советским законам, за неподчинение им. Но что может быть еще более убедительным, как не подобное заявление отрядного Сурова, что мой муж судим и содержится сейчас за колючей проволокой именно за его принадлежность к вере, за исповедание Господа. А его следственное и судебное дело не что иное, как фантазия следователей и судей. Пишу это не голословно, у меня есть факты.

Результат предупреждения Сурова не замедлил сказаться. В письмах наших стали вычеркивать не только выдержки из Библии, но и вообще слово «Господь». Так 23 мая я получила письмо от моего мужа, которое было писано им 14 мая. В этом письме вычеркнуто даже наше обычное христианское приветствие, которое мы пишем в начале наших писем. В предложении «приветствую вас всех любовью Господа нашего Иисуса Христа» — подчеркнутое затушевано. Как неразумно вычеркивать в письмах наших имя нашего Бога. Оно записано в наших сердцах.

Кроме того, в лагере мужа без конца тщательнейшим образом обыскивают как на работе, так и в жилбараке. Перетрясывают всю его постель, пересчитывают каждую вещичку. Что они ищут у него?

Водки у моего мужа никогда не бывает, он ее не пьет по своему убеждению, наркотиков тоже никогда не бывает и не будет, да и вообще нет ничего того, что запрещено законом иметь в лагере. Они у него ищут то, что не запрещено законом и что мы, как верующие, имеем законное право иметь всегда при себе, независимо от того, в каких мы условиях находимся — это Библия или Евангелие. Ведь эти книги не запрещенные. Такие унижительные обыски не производят даже у преступников, совершивших убийство, грабеж и т. д.

Кроме того, в лагере выслеживается каждый шаг моего мужа. Об этом говорил мне сам отрядный Су-ров.

Я прошу прекратить подобное обезличивание и унижение моего мужа Козорезова Алексея Тимофеевича. Он хоть и заключенный, но все-таки человек. Прошу прекратить позорное и унижительное выслеживание каждого его шага.

Прошу дать нам возможность свободно переписываться, утешая друг друга Словом Божиим и именем Господа. Прошу не задерживать наших писем друг к другу, а вручать их во-время, чтобы я и дети не томились в ожидании писем от своего отца.

Прошу разрешить ему пользоваться законным правом — иметь при себе Библию.

Прошу, наконец, беспристрастно пересмотреть все следственное и судебное дело моего мужа, ибо оно все сфантазировано следователем и судьями, а благодаря их фантазии обездолены 10 (десять) малолетних детей Козорезова. Они остались на 5 лет без отца. Из десяти детей у нас 7 мальчиков, которым отец очень необходим.

Прошу освободить моего мужа Козорезова Алексея Тимофеевича, как необоснованно и незаконно осужденного.

А. Козорезова

31 мая 1972 года

Председателю Президиума Верховного совета СССР т. *Подгорному* Н. В.

Генеральному прокурору СССР т. *Руденко* Р. А.
от гр-ки *Волковой* *Октябрины* *Федоровны*,
проживающей: г. Москва, ул. Вавилова, д. 45,
кв. 16.

ЗАЯВЛЕНИЕ

20 октября 1972 года я обратилась к вам с заявлением, в котором сообщала о направленных против меня необоснованных и абсурдных действиях работников прокуратуры Черемушкинского района г. Москвы.

24 октября следователь прокуратуры Черемушкинского района *Буробина* Е. В. и второй сотрудник, очевидно, тоже прокуратуры, фамилию которого я не запомнила (он присутствовал и при первом обыске 13 октября), явились ко мне на квартиру и без предъявления постановления на обыск и изъятие, только на основании того, что я узнала их в лицо и не заявила протеста против незаконных их действий, произвели повторный обыск и изъяли у меня следующие вещи:

1. Статуэтка Будды.
2. Изображение круга сансары.
3. Кофейная чашка из сервиза, розетка и пепельница с рисом.
4. Индийские бусы-четки из дерева.

Протокол изъятия, проведенного без участия понятых, был составлен только в прокуратуре, куда меня привели для очередного допроса, и после самого допроса. Копия протокола мне вручена не была, вследствие чего я лишена теперь возможности доказать, что вышеназванные вещи принадлежат именно мне.

Прошу вас оградить меня от произвола работников прокуратуры и повторно требую немедленного возвращения моего имущества, поскольку, лишившись его, я вместе с тем лишилась возможности продолжать свою работу.

При сем считаю необходимым заметить, что изъятые у меня предметы буддийского искусства используются как вещественные доказательства абсолютно необоснованно, хотя бы потому, что точно такие же предметы свободно продаются в московских антикварных магазинах.

Пользуясь случаем, еще раз прошу вас обратить ваше внимание на само так называемое «дело», которое ведет прокуратура Бурятской АССР. Индологическая и буддологическая традиция в нашей стране насчитывает уже более ста лет своего существования и давно пользуется мировым признанием. Допросы же и обыски московских научных сотрудников, проводимые в недопустимом стиле неуважения и непонимания исследовательской работы, выглядят как дискредитация науки.

О. Волкова

ВМЕСТО ПОСЛЕДНЕГО СЛОВА

Предварительные замечания

Записать свое «Последнее слово» заранее, еще до ареста, меня побудили следующие обстоятельства.

1. Ведется следствие по делу об «антисоветских» литературных материалах («самиздат»); следствие считает (о чем мне сообщено на допросах), что некоторые из этих материалов изготовлены мной, на моей пишущей машинке. (Во время обыска, более года тому назад, у меня изъята пишущая машинка, некоторое количество «самиздата», личные рукописи и письма).

2. Если меня арестуют, то — как обычно в таком положении — я буду полностью изолирована, лишена возможности сказать или написать то, что я хочу. Судебное разбирательство, по всей вероятности, судя по многочисленным прецедентам, будет происходить при закрытых дверях. Не исключено, что меня — так же, как некоторых других, практически психически здоровых инакомыслящих, — признают «психически невменяемой», и я вообще не буду присутствовать на суде надо мной.

3. Мои убеждения, моя нравственная позиция являются достаточно сложившимися. Противоречащее им поведение — ежели таковое все-таки будет иметь место — может быть обусловлено только применением со стороны следствия средств, разрушающих мою волю и мою психику.

4. Чтобы мои взгляды, убеждения не оказались причиной преследования людей, с которыми я была близка, я заявляю, что о них, как правило, не рассказывала, моих рукописей на эту тему читать не давала.

Мне могут предъявить обвинение либо по статье «Антисоветская агитация и пропаганда» (ст. 70 УК

РСФСР, раздел «Государственные преступления особо опасные»), либо по статье «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» (ст. 190¹ раздел «Преступления против порядка управления»). Ст. 190-1, отличается от ст. 70 отсутствием «цели подрыва советской власти»; по ст. 190¹ определены более короткие сроки лишения свободы и в менее жестоких условиях (ст. 190¹ — лишение свободы до 3-х лет; ст. 70 — до 7 лет, если «преступник» не является «рецидивистом»).

Обе статьи фактически осуществляют запрет на свободу убеждений (свободу высказывать мнения, искать, получать и распространять информацию и идеи — независимо от их ортодоксальности с точки зрения той или иной доктрины, независимо от их соответствия партийно-правительственной пропаганде и агитации).

В «Последнем слове» я исхожу из предположения, что мне предъявляется обвинение по ст. 70.

Статья 70 — Антисоветская агитация и пропаганда

«Агитация или пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления советской власти..., распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания...» — нарушает, по существу, конституцию нашей страны (положения о свободе слова, печати) и противоречит Всеобщей декларации прав человека, провозглашенной Организацией Объединенных Наций (положение о свободе убеждений и др.). Соблюдение принципов этой декларации является, по моему убеждению, необходимым условием нормальной жизни общества и каждого человека; я согласна с утверждением декларации, что

«пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества». Под варварскими актами я подразумеваю и то, что творилось гитлеровским и другими фашистскими государствами, и то, что неоднократно, в частности при Сталине, творилось в нашей стране...; то, что в несравненно меньшем масштабе, но примерно в том же духе происходит в настоящее время, именем закона...

Поэтому я отказываюсь признать законным закон об «антисоветской агитации и пропаганде». Считаю своим моральным правом не подчиняться этому закону; старалась и буду стараться, в меру своих слабых сил, сопротивляться ему.

В Уголовном кодексе нет определений терминов «агитация» и «пропаганда»; нет расшифровки слова «антисоветский». В практике советского правосудия любое высказывание, устное или письменное, может трактоваться как «антисоветская агитация» (или «антисоветская пропаганда»), если руководящие органы, которым подчиняется суд, посчитают это нужным. То же относится к литературе, не «узаконенной» советской цензурой.

БСЭ определяет пропаганду как «распространение широкого круга идей, теорий, учений, требующих глубокого и детального разъяснения». В «Кратком политическом словаре» (1969 г.) указывается, что «пропаганда носит классовый, партийный характер... КПСС неустанно совершенствует методы пропагандистской работы». В таком понимании пропаганда тождественна «пропаганде партийной», по БСЭ — «Партийная пропаганда непримирима ко всякого рода проявлениям буржуазной идеологии»; партийная пропаганда должна... «обеспечить правильное и систематическое разъяснение роли... КП как руководящей и направляющей силы в строительстве коммунизма, роли Центрального комитета партии как еди-

ного, монолитного коллектива руководителей, штаба партии»... «На примерах любого периода из истории КП можно видеть неразрывную связь пропаганды с политикой партии». На расстоянии нескольких десятков строк от последнего утверждения говорится: «КП указывает на необходимость искоренить из практики пропагандистской работы неправильное, немарксистское освещение вопроса о роли личности в истории, выражавшееся в пропаганде чуждой духу марксизма-ленинизма идеалистической теории о культе личности». Здесь не мешает вспомнить, что в те долгие годы (несколько десятилетий...), когда КП-правительство осуществляло пропаганду этой «чуждой теории», даже незначительное сомнение, несогласие с ней, а также с тем, что провозглашала культивируемая личность и, соответственно, партийная пропаганда, — расценивалось как антисоветское выступление, антисоветская агитация и пропаганда (статья 58-ая...). Замечательно также и то единодушное, та скорость, с которой пропагандисты отказались от пропагандируемых идей и теорий.

«Сила и жизненность партийной пропаганды состоит в том, что она всецело опирается на теорию марксизма-ленинизма». «...Буржуазные и соглашательские партии пускают в ход все силы и средства пропаганды, прибегают к самым утонченным приемам демагогии и лицемерия...». Очевидно, однако, утверждение о «силе и жизненности» является приемом демагогии и лицемерия: не рассчитывая на силу и жизненность своей пропаганды, КП-правительство поддерживает ее террором — социалистическими законами и социалистическими нарушениями собственных законов.

Пропаганда, ориентированная на утверждение — во что бы то ни стало — определенных идей, теорий, учений, престижа и авторитетов, органически включает в себя преднамеренное умалчивание, искажающее истину, ложь, клевету... Относясь к такой про-

паганде с глубоким отвращением, я никогда в ней не участвовала.

Агитация — принципиально то же, что и пропаганда, но еще более рассчитанное на «массы»: «устная и печатная политическая деятельность, воздействующая на сознание и настроение масс с целью...». В Советской Социалистической Республике агитация является исключительной привилегией Партии-правительства; антипартийная, антисоветская агитация практически невозможна.

Пропаганда-агитация, проводимая Партией-правительством, способствовала и способствует подавлению свободы, деспотизму и беззаконию, преступлениям, несчастиям, трагедиям многих и многих людей нашей страны; она способствует также моральному, духовному растлению и пропагандистов и пропагандируемых... Однако дело не только и не столько в пропаганде-агитации как таковой, а в ее абсолютной монополии, обеспечиваемой государственным террором; в том, что наиболее веским аргументом «правильности» распространяемых «политических, научных и других знаний» является насилие, именем Советского Социалистического Закона.

Именно для пресечения выражения мнений, информации, не соответствующей партийно-советской пропаганде, служит закон об «антисоветской агитации и пропаганде» (и, для менее «государственно-опасных» случаев, закон о «распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский...»). Раньше ту же роль выполняла 58 статья...

Раньше для обвинения по пятьдесят восьмой — для клейма «враг народа» достаточно было указания «сверху», доноса, достаточно было просто «классового чутья» («инстинкта»). Таким способом Партия решала «историческую» задачу ликвидации предположительно потенциально «неблагонадежных», тех, кто, может быть, мог бы нарушить «нерушимое единство» взглядов и настроений, диктуемых Партией

(партийной агитацией и пропагандой). Те же меры внедряли особый социалистический страх перед партийно-государственным террором, перед возмездием — вездесущим и всесильным — за инакомыслие; делали этот страх главным элементом сознания каждого советского человека.

Сейчас возмездие, кара обрушивается только на более или менее явных «антисоветчиков». Торжествует некоторая видимость законности; факты «антисоветской агитации и пропаганды» «доказываются»... Следствие, большей частью, занимается не некими, им же изобретенными (или «спущенными» сверху) эпизодами, а эпизодами, действительно имевшими место. Например, тогда-то, в таком-то месте, в разговоре с таким-то обвиняемый высказал... В таком-то письме (дневнике, воспоминаниях и т. п.) обвиняемый выразил мнение... В статье, с таким-то названием, написанной тогда-то, размноженной на пишущей машинке за №., принадлежавшей такому-то, обвиняемый обнаружил взгляды... привел сведения («измышления»)... Обвиняемый тогда-то, там-то, вместе с такими-то подписал коллективное письмо, осуждающее... порочащее... Обвиняемый тогда-то, в таком-то месте, передал такому-то экземпляр текста, изготовленный на пишущей машинке (или фотопутем, или напечатанный за рубежом...) под названием... Обвиняемый размножил на такой-то пишущей машинке (или фотопутем, или записал на магнитофон...) такое-то литературное произведение (рассказ, роман, стихи, эссе, литературно-критическую статью и т. п.)... Тогда-то, в таком-то месте обвиняемый встретился с таким-то иностранным корреспондентом и дал ему интервью... Эпизоды «преступления», по крайней мере некоторые из них, могли действительно иметь место.

Антисоветский характер литературных материалов устанавливается некой экспертной комиссией. Индексы антисоветской — преследуемой законом — литературы не публикуются, не предаются гласно-

сти. По-видимому, советский гражданин должен знать (и он, как правило, знает): всё, не опубликованное в официальной советской печати, не соответствующее «линии партии» — советской пропаганды-агитации в данный период — является антисоветским.

Я убеждена, что высказывания и литература, каковы бы ни были их достоинства, не являются криминалом, не должны быть объектом уголовного расследования. Поэтому я не считаю нужным оспаривать, признавать или не признавать на суде (так же, как и на следствии) «антисоветский» характер инкриминируемых мне литературных материалов и высказываний. По той же причине я отказываюсь подтверждать или отрицать эпизоды, перечисленные в обвинении, которое мне предъявлено.

Преступление, описываемое статьей 70, состоит из «антисоветской агитации или пропаганды с целью подрыва или ослабления советской власти...». Доказательства наличия этой «цели» правосудие усматривает, прежде всего, в факте «антисоветской пропаганды», а также в антисоветских взглядах обвиняемого.

Я отрицаю наличие у меня такой цели.

«Цель подрыва или ослабления советской власти» не может быть достигнута теми средствами, которые правосудие именует «антисоветской пропагандой» (или «антисоветской агитацией»).

Подрыв существующего режима — разрушение с применением насилия — может привести лишь к образованию еще одной разновидности диктатуры. Зло советской диктатуры-террора сравнимо со злом фашистской диктатуры. Однако замена этой диктатуры демократическим государственным и общественным строем с действительной гласностью, действительным уважением к правам человека, — могла бы

произойти только ненасильственным путем, при наличии доброго желания, доброй воли многих людей...

Панический страх советского руководства перед «антисоветской пропагандой», перед «размягчением» «коммунистического» сознания советского человека обуславливает затрату огромных сил и средств на выслеживание инакомыслия, является причиной жестоких, бесчеловечных наказаний «виновных».

Наряду с «антисоветской агитацией или пропагандой» в обвинении идет речь о «клеветнических измышлениях» (в самиздатской — существующей помимо партийного руководства и контроля — литературе). Для советского правосудия всякая информация, мнения, «порочающие советский государственный и общественный строй», могут быть только клеветническими измышлениями. Доказательства несоответствия этих «измышлений» действительности, по существу, не приводятся. Очевидно, это одна из причин, почему суд, как правило, происходит при закрытых дверях; никто из не причастных к органам, не удостоенных их особого доверия, не должен слышать содержание «клеветнических измышлений»; «измышления» — фактические сведения и мнения, касающиеся существенных сторон советского строя, советского образа жизни — скрываются от советских людей.

Клеймо — «антисоветские клеветнические измышления» стоит, например, на информации, приводимой в «Хронике текущих событий» (сообщения о фактах преследования за политическое инакомыслие, за веру, за выражение желания выехать за пределы Советского Союза; сообщения о нарушениях советских законов при осуществлении этих преследований; об условиях, в которых находятся осужденные в тюрьмах, спецпсихобольницах, лагерях за ключей проволокой; сообщения о новой самиздатской литературе, письмах протеста против нарушений за-

конности и т. п.). То же клеймо стоит на книге А. Авторханова «Технология власти», где восстанавливается история сталинизма, та ее сторона, которая обходится молчанием в советской литературе, (в книге используется большое количество советских документов — газеты, стенограммы съездов, пленумов и т. д.). Исходя из сталона, которым определяются «клеветнические измышления», к таковым относится почти вся дореволюционная русская литература и большая часть зарубежной литературы по отношению к режиму, к государственному и общественному строю, при котором она создавалась или создается.

Я читала довольно большое количество самиздатовской литературы, но не встречала в ней лжи... Заведомую ложь, клевету я неоднократно обнаруживала — с тех пор как научилась критически относиться к тому, что читаю, слышу, вижу, — в советской литературе...

Самиздат — явление, вынужденное партийной монополией на всю печать нашей страны, превращением ее в средство партийно-правительственной агитации и пропаганды. Эта монополия осуществляется уже около 50 лет, самиздату всего 10-15 лет. Возникновение его совпадает с крахом — в сознании части людей нашей страны — безусловного авторитета советских вождей, слепой веры советской пропаганде и агитации; совпадает с некоторым преодолением специфического социалистического страха. Появление, существование самиздата говорит о стремлении к гласности и действительной — а не большевистской — законности; о потребности в разносторонней (а не только партийной) информации; о желании самому формировать свои взгляды, мировоззрение — не передоверять это вождю или ЦК Коммунистической партии. Самиздат — как ни ничтожны его реальные возможности — сделал кое-что для разоблачения лжи и клеветы советской пропаганды-агита-

ции и морального осуждения тех, кто ей способствует...

Советский суд над инакомыслящими похож на суд Инквизиции над еретиками. Различным, на первый взгляд, является лишь наказание (возмездие): Инквизиция заживо сжигала инакомыслящих, советское правосудие обрекает их на долгие годы жестоких мучений.

Я не уважаю советское правосудие, не могу относиться к нему как к подлинному правосудию. Себя я не считаю уголовной преступницей.

Ланда Мальва Ноевна

24 декабря 1972 года

г. Красногорск, Московская обл.,

ул. Чайковского, д. 11, кв. 37

СВИДЕТЕЛЬ ПО СОБСТВЕННОМУ ДЕЛУ

Часть первая

Легко представить, как «обрадовалась» моя родная (о чем она сожалеет) сестра Нора, между прочим, 1937 года рождения, когда увидела в почтовом ящике повестку для меня на завтра в КГБ к следователю *Жучкову*. А завтра, двадцать седьмого, ей с мужем Борей, полковником Политической академии, ехать на заслуженный отдых в дружественную, можно сказать, нам Румынию. Да, мало было двух обысков в прошлом году. А то, что Боря чуть ли не единственный еврей в академии, это мы забудем, поскольку не то сейчас важно. Ну, почитал я разной юридической литературы, ну, допустим, статью «Психологические приемы допроса обвиняемого» в «Вопросах психологии» за 1966 год, № 6. Расспросил кое-кого про Жучкова, его характер, манеру говорить, спрашивать и т. п. На следующий день отправляюсь в Лефортово — Энергетическая улица, 3-а. Прихожу. Разумеется, дом без вывески. Жду, а чтобы не волноваться, у меня с собой «Групповой портрет с дамой» Генриха Бёлля — вещь, понятно, гораздо более интересная. А здание — новое, но почему-то некрасивое, безвкусное, как некрасиво вообще все, что много перестраивается. Но, впрочем, это же на страх врагам! Железные двери похожи на лифт. Сами закрываются и открываются каким-то специальным кодом. Его набирают прямо при вас, несколько не смущаясь. Естественно, вам страшно хочется поскорее уйти, но надо отогнать это чувство. Чем меньше торопишься, тем скорее уйдешь. Следователь Жучков бесстрастно сопровождает меня по тюремному лабиринту прямо к своему рабочему месту. Я иду, спотыкаюсь и думаю: как ведь, однако, ему не стыдно всякий раз демонстрировать перед ни в чем не повинным человеком эти уникальные двери стоимостью чуть ли не в миллион рублей. Видите ли, я

должен не бояться. Почему должен? А вот, к сожалению, я боюсь...

Страх. Он возникает, когда ясно, что уже ни слух, ни зрение, ни обоняние, ни осязание — не нужны. Их просто не к чему применить. Химическая чистота и гладкая поверхность. Никаких людей, никаких предметов, никакого бюрократизма и никакого, заметьте, ни с чем сравнения. Что же в силах остановить страх? Хорошая шутка? Нет! Только хорошая мысль! Сейчас она придет. А вот и мы пришли.

Мы в кабинете. На стене — *Ленин*. Уж как-то легче.

— Садитесь, пожалуйста. Меня зовут Анатолий Гаврилович Жучков. Я веду дело Людмилы Михайловны Белогородской (он оговорился: ее зовут Ира). Я должен допросить вас в качестве свидетеля. Но вначале я разъясню ваши права и обязанности.

Пока он говорит, стараюсь подавить волнение.

— Вам все понятно?

— Да. Все. Абсолютно. И, я думаю, было бы целесообразно сразу же приступить к протоколу.

— Зачем же так сразу? По закону я должен вначале с вами побеседовать по обстоятельствам дела. Почему вы настаиваете сразу на протоколе?

— Исходя из целесообразности — и только. Вы задаете вопросы — я даю ответы. Чего же проще?

Жучков не соглашается. Оказывается, он обязан создать мне непринужденную обстановку — спасибо. В беседе с ним я буду по аналогии вспоминать то, что забыл. Он мне поможет, напомним...

— Представьте, — говорит Жучков, — произошло некоторое событие во время вашего тридцатипятилетия (наверное, какой-то намек).

Он многозначительно остановился. Я тоже молчу. Вспоминать и забывать мне почти нечего. 35-летие для меня не такая уж большая дата. Последний день своего рождения я отметил 23 февраля 1937 года, тогда мне было четыре года. Отец всегда пере-

носил мой праздник на 3 дня вперед, как раз на день Красной Армии. Но 5 августа 1937 года, ночью, отец был арестован. Он сказал, что «ошибка», что скоро вернется. Но он не вернулся. 14 марта 1938 года его «по ошибке» расстреляли. С тех пор я никогда не отмечаю дни своего рождения. Другое дело 14 марта.

...Спросил бы он меня про этот день. В прошлом году меня забрали в милицию 14 марта. Проверка документов. Искали какого-то преступника. Как раз я шел от Якиров. Прямо в метро, на станции «Автозаводская». Я стоял, ждал поезда и думал почему-то про Джамбула Джабаева. Я глядел в то место в потолке, где когда-то красовались его неприличные стихи: «Все это дела, что сталинская мудрость родила». Тут меня как раз и взял за рукав милиционер. Но Жучкову все это ни к чему.

К сожалению, спор затягивается. Он уже вынудил меня читать УПК (хорошо, я взял его напрокат). Читаю и не соглашаюсь.

— Давайте лучше мой УПК, — говорит Жучков.

— Пожалуйста, если ваш лучше.

Он монотонно читает противный мне текст. Все равно из-за волнения я не могу, да и не пытаюсь вникнуть в суть. Я знаю только одно: когда он кончит, надо сказать: «Из всего прочитанного вами не следует, что вы правы». Так я и делаю, но он не унимается.

— Давайте прочтем комментарии (к УПК).

— Давайте.

Опять читает. Опять отдыхаю и жду паузы, чтобы сказать ту же фразу: «Из всего прочитанного вами текста совсем не следует, что вы правы».

— Но ведь не следует, что и вы правы. (В нем заговорило что-то адвокатское).

— А я и не основываю свое требование на законе, я его не знаю. Я исхожу из здравого смысла, из целесообразности — и только.

Он, кажется, теряет терпение.

— Вы будете давать показания или мне придется приглашать понятных.

— Я давно хочу давать показания, но не могу. Где я должен, например, расписаться, что обязан говорить правду? (Кстати, жаль, что только один из нас должен в этом расписываться).

Наконец, он садится за пишущую машинку с моим паспортом, а я достаю из портфеля «Групповой портрет с дамой». Через несколько минут первый лист уже готов.

«27 июня 1973 года, г. Москва.

Старший следователь Комитета Государственной Безопасности при Совете Министров СССР капитан Жучков в своем служебном кабинете допросил в качестве свидетеля

А л ь б р е х т а, Владимира Яновича, 1933 года рождения, уроженца города Москвы, поляка, беспартийного, проживающего по адресу: Москва, Пр. Мира, 99, кв. 152, тел. 287-24-24, работающего... и т. д.

— Но почему нет фамилии Белогородской? Не указано, по какому делу я свидетель.

Жучков невозмутимо объясняет. Оказывается, я — советский человек и должен отвечать на любые его вопросы, совсем любые. Оказывается, я просто свидетель, и все. Остальное меня не касается.

— Очень может быть, что вы правы, — говорю я, — но я в этом не уверен. Вы мне сказали, что ведете дело Белогородской, почему же не хотите написать? Тут как раз и место есть. Вы оставили целую строку после слова «свидетеля»...

— Откуда у вас такое предубеждение против следственных органов? Что вы так боитесь подписывать?

— Совсем я не боюсь и предубеждения нет (хотя чувствую, что даю ложные показания). Вот, пожалуйста, подписываю...

Я пытаюсь вписать фамилию Белогородской в пропущенную строку в протоколе, но следователь тут же выхватывает у меня лист.

— Нельзя! Что вы наделали! Я же говорил — нельзя!

— Но... и я ведь тоже предупредил. Как же быть?

— Ладно, — вдруг спокойно соглашается Жучков, — будь по-вашему.

Он снова садится за машинку, заново перепечатывает лист, а я опять достаю «Групповой портрет с дамой». Через некоторое время Жучков кладет передо мной нечто новое.

— Подписывайте.

Гляжу и глазам не верю: фамилии Белгородской нет.

— Простите, но я не вижу...

— Глядите лучше.

Гляжу лучше, наконец читаю: «...свидетеля по делу № 24».

Опять начинается прежний спор.

— Я имею право допрашивать вас по любому делу, выделенному из дела № 24: Якира, К р а с и н а, Ш и х а н о в и ч а... Говорите прямо: вы отказываетесь отвечать? Тогда я приглашу понятных и передам дело в суд.

— Нет, я готов отвечать, но верните мне прежний, уже подписанный мною лист, я допишу фамилию Белгородской.

— Лист я вам не верну, его нет, я его уничтожаю.

Жучков разрывает лист и бросает в корзину под столом. Я даже, кажется, вскрикнул от неожиданности. Да, Жучков переборщил. Мы это поняли оба. Он теперь почему-то не спорит, а я преспокойно выписываю чернилами фамилию Белгородской после слов «свидетеля по делу № 24».

— А в чем, собственно, обвиняется Белгородская?

Возможно, вопрос прозвучал издевательски, но я этого не хотел. Мы говорим уже больше часа, а в чем обвиняется Белгородская — ни слова. Тут явное нарушение УПК, и Жучков заподозрил, что я это очень даже могу понимать. Он неприятно молчал.

— Ну, скажите хоть, как выглядит формальное обвинение? Хоть по какой статье? По 70?

— Сами прекрасно знаете. Притворяетесь.

Но я не притворялся и не собирался спорить. Мне важно было хоть как-то утвердить тот факт, что я свидетель по делу именно Белогородской, обвиняемой по статье 70! Вот и все. Так я и сказал ему, так и написал в протоколе. Теперь-то можно перейти непосредственно к вопросам. Хорошо еще, что мы быстро договорились — я сам пишу свои ответы, а он печатает свои вопросы. Два вопроса уже давно напечатаны.

Вопрос 1: — Достаточно ли вы владеете русским языком? Согласны ли давать показания по-русски?

Я не стал удивляться и просто написал «да».

Вопрос 2: — Знакомы ли вы с Ириной Михайловной Белогородской? Где и когда познакомились?

Ответ: — Знаю, что таковая есть. Видел несколько раз. Никаких отношений нет ввиду личной неприязни, несимпатии, главным образом, с ее стороны. Когда и где познакомились — не помню.

Жучков заметно огорчился.

Вопрос 3: — Известно ли вам, что Белогородская была арестована 8 августа 1968 года и приговорена к одному году лишения свободы?

Ответ: — Да, известно. Неизвестно, что 8 августа.

Вопрос 4: — Откуда узнали?

Ответ: — Откуда узнал — не помню. Возможно, из кем-то услышанной радиопередачи «Голоса Америки».

Как мне показалось, упоминание Америки для Жучкова нежелательно. Жаль!

Вопрос 5: — Где вы встречали Белогородскую?

Я растерялся. Мне не хотелось упоминать ничьих фамилий, совсем ничьих! Я изображаю мучительное раздумье. Ну, где я мог действительно видеть Белогородскую? В различных домах. На днях рождения...

— На проводах, помогает Жучков.

— На каких?

— Ну, например, Алика Вольпина. Помните, на Белорусском вокзале. Вы еще хотели передать одной особе альбом фотографий русских и советских писателей.

Хоть я и опускаю свои очень виноватые глаза, но чувствую на себе проникновенный, до боли знакомый взгляд (см. картину «Владимир Ильич беседует с Гербертом Уэллсом»).

— Нет, не припоминаю, — я очень старался сказать это спокойно.

«Мы все знаем», — живописно изображал на своем лице Жучков, «все знаем» — так и капало с его лица. Я чувствовал, с каким удовольствием он следит сейчас за мной.

— А еще на елке.

— На какой елке?

— На детской.

— На какой еще детской елке?

Я удивился не на шутку. Он тоже удивился, даже возмутился моей забывчивостью.

— На новогодней елке для детей лиц, осужденных по статье 190-1 или 70, — медленно сформулировал следователь. Его хитрый взгляд опять сказал: «Мы все знаем, все».

От неожиданности я рассмеялся: «Конечно, вспомнил. В елке сознаюсь. Но разве Ира там была?» — «Точно, была», подтвердил Жучков.

— Но откуда вы знаете? И вы там были?

Теперь мы смеемся оба. Я почему-то представил себе, как капитан Жучков проникает на елку, переодевшись в серого волка.

— В елке сознаюсь. Да, пели песню с двойным смыслом: «В лесу родилась елочка, в лесу она росла». Да, действительно, «порою волк, сердитый волк рысцою пробегал». Очень смешно было.

Интересно, что после этой елки меня стали называть «дедом морозом». Жучков, конечно, знает. Мы молчали. Странно, два человека, глубоко чуждые друг другу, именно поэтому и встретились, вынуж-

дены разыгрывать невозмутимость и откровенность — таковы правила игры, их нельзя нарушать. Сейчас Жучков будет спасать положение — создавать непринужденную обстановку. Я узнаю, например, что он был на концерте филладельфийского окрестра. Ему там понравилась одна «штучка», он ее даже записал. Потом он расскажет историю, как какой-то следователь в процессе допроса назвал некую даму алкоголичкой. Оказывается, в нее был влюблен подследственный. «Вот оглядывается следователь, а подследственный на него со стулом». История меня совсем не заинтересовала.

— Вот вы, наверное, не считаете меня личностью (я вежливо кивнул), а я, знаете, всем интересуюсь... Мой опыт не только из книг, но и из общения с людьми.

Я испугался. Вдруг он начнет рассказывать, с какими хорошими людьми он общался, тогда бы я его возненавидел непоправимо. Уж лучше пусть философствует чего-нибудь.

— А все-таки, почему вы с таким предубеждением относитесь к следственным органам?

— Что касается предубеждений, их нет. Есть убеждения. Конечно, предубеждения могли возникнуть...

— Ваш отец реабилитирован?

— Да. Он даже восстановлен в партии. Но отец был членом ВКП(б), а не КПСС. Конечно, это одно и то же, но может быть, для него это не было бы одно и то же? Его нельзя спросить ни о чем. Восстановление в партии мертвых — акт символический. Я этого не понимаю. А много ли в партии таких членов? Зачем они вам?

Реабилитация отца никогда не имела для меня большого значения в нравственном смысле. Я всегда знал, что отец не виновен. Я знал, что он благороден и честен. Тогда, в 1905, осужденный на ссылку за «самиздат», за принадлежность к РСДРП, он отказался дать показания и помилования не просил. Как он вел себя в 1937? Наверное, так же. Когда-

нибудь я увижу его дело, его последние показания, узнаю его палачей...

— Зачем это вам?

— Я люблю своего отца — вот зачем. Что касается предубеждений против КГБ, свою работу вы знаете лучше. Надо ли объяснять роль вашего ведомства?

— Развитие общества зависит от целого комплекса различных проблем...

— Но дело в том, что ваше ведомство помогает решению этих проблем. Оно просто не может сидеть сложа руки. В этом-то и вся трагедия.

В кабинет кто-то неожиданно вошел. Мы оба смутились. Я не договорил последнюю фразу, зато успел написать ответ на последний вопрос:

Ответ: — Где встречал Белогородскую — не помню. Возможно, на днях рождения в различных домах (никаких фамилий...). Жучков, как мудрый ворон, молча повесив нос, сидел за своей пишущей машинкой. Он находился еще в парах только что оконченного разговора.

— А Белогородская пришла сюда с такими же взглядами, — прохаркал он медленно и неприятно.

Ну вот — черт возьми — опять, кажется, я испугался.

Вопрос 6: В чем причина ваших плохих отношений с Белогородской?

Ответ: Отношений никогда не было. Однако Ира могла обидеться из-за моей размолвки с Ваней Рудаковым, ее бывшим мужем.

Из-за чего я с Ваней тогда ссорился, рассказывать, к счастью, не пришлось. Зато от Жучкова я опять узнал кое-что. Бывший муж взялся за ум; где-то работает инженером, где-то учится на 4 курсе. Разумеется, до меня Жучков допрашивал Ваню (я знал). Ему было предложено написать «обо всем» чистосердечно.

— Неужели так прямо «обо всем»? — спросил Ваня.

— Нет. О том, как Альбрехт продавал альбом фотографий писателей за 30 рублей, об этом не надо.

Странно, почему Жучков не хотел про альбом? Вроде бы даже боялся. Впрочем, поскольку КГБ знает «всё» (почти), оно, конечно, может знать, что я никогда ни у самой Белгородской, ни у ее друзей или родственников никаких денег не брал (даже займы) и никакого альбома не давал. (И вообще я не люблю брать денег... не люблю). Про альбом Жучков, наверно, еще спросит. (Наверно, вдруг заинтересуется).

— Не пугает ли вас такое слово, как «самиздат»? Да. Здесь-то меня пугало все.

— Нет, не пугает, — соврал я машинально и сразу подумал: «А ведь сейчас мы пишем разве не «самиздат?» Я еще чего-то подумал и сказал уже смелее:

— Смотря как понимать слово «самиздат»...

Капитану спорить не хотелось. В результате —

Вопрос 7: — Давала ли вам Белгородская литература политического содержания?

Ответ: — Нет, никогда не давала...

И вдруг...

Вопрос 8: — Имеете ли вы какое-либо отношение к изготовлению фотографий русских и советских писателей?

Кажется, с этого момента я уже даю показания сам на себя.

Ответ: — Нет. А в чем тут преступление?.. Извините за любопытство... Фотографии писателей советских и русских... В этом, конечно, виноваты сами писатели. Как, впрочем, во всем остальном. Не было бы писателей, не было бы, по крайней мере, их фотографий... При чем тут я?

Вопрос 9: — (И совсем даже не вопрос). Охарактеризуйте политические убеждения Белгородской.

Ответ: — Не могу, так как их не знаю.

Давайте подумаем. У Белогородской было три мужа — факт. Были ли у нее политические убеждения? Кто это знает?

Говорить о своих убеждениях, политических... Где, в какой компании это может быть прилично? Тем более в стране, где только одна партия. А нельзя ли делить людей просто на плохих и хороших и совсем не думать про их политические убеждения? Нельзя? Глупо? Ах, политика! Без нее-то, оказывается, пропадешь. Анекдоты — другое дело! Но причем тут политические убеждения? Был бы анекдот остроумным — вот главное. Да и анекдоты, к сожалению, я запоминаю плохо. А что касается разговоров — да, бывают разговоры... даже споры. Вдруг, например, за чашкой или рюмкой возникнет «спорная» мысль о роли, какую сыграл известный историк Петр Якир в судьбе малоизвестного Рабиновича. Того Рабиновича, который всегда был настолько простым советским человеком, что не знал он и знать не хотел никакого Якира. Не только сына, но даже отца. И вдруг Рабинович переселяется в Израиль и, судя по письмам, ничуть не жалеет. При чем тут Якир? Здесь все причем, и Якир тоже. Вполне. Отец, а сын-то тем более. Теперь о политических убеждениях Рабиновича. Вы-то думаете: он их сменил. А он их не имел. Он хотел жить (это убеждение?). Он всегда боялся (это убеждение?), теперь тоже, меньше. Трусость — не убеждение...

Вопрос 10: — Каково отношение Белогородской к существующему в СССР политическому и общественному строю?

— А домыслы вас интересуют?

— Да, невозможно отвечает Жучков.

— Белогородская — сторонник уважения к закону, Конституции. Но ведь это домыслы. А что писать прикажете?

— Не знаю. Пишите, что хотите...

Ответ: — Не знаю.

Вопрос 11: — Не приходилось ли вам слышать от Белгородской заявлений, порочащих советский общественный и государственный строй?

Ответ: — Нет, не приходилось.

Скоро ли конец? Смотрю на следователя, удивляюсь. Конечно, он верит, что с помощью заявлений можно опорочить государственный строй. Ничего себе религию придумал — идолопоклонник! А ведь как просто... Опорочить любой государственный строй может только сам строй. Нам с Жучковым это не по плечу, какие бы вопросы он мне ни задавал. Странно слышать: клевета на Советский Союз, на советский народ. Как можно оклеветать Каспийское море? Млечный путь? Как можно оклеветать 250 миллионов человек?

Вопрос 12: — Были ли вы знакомы с Белгородской до ее первого ареста 8 августа?

Ответ: — Думаю, нет.

Вопрос 13: — Желаете ли вы сделать дополнение к протоколу?

Ответ: — Да, желаю.

— Покажите, чем хотите дополнить.

— Показывать не хочу, хочу написать.

Он настаивает... Опять спор, опять семейное чтение УПК. Он читает, а я жду. Жду, не слушаю и говорю, как заведенный: «Из прочитанного вами текста совсем не следует, что вы правы» (хитро придумал). Наконец, капитан пишет.

Вопрос 14: — Согласно требованиям статьи 160 УПК, свидетель может записать дополнение к протоколу только после того, как устно покажет его следователю. Вы по-прежнему желаете сделать добавление к протоколу письменно?

Ответ: Да, желаю письменно.

— Напишите, что не желаете устно.

— Не желаю... Хотя, ладно... Пишу: «Не желаю устно».

Теперь он отходит к окну. Волнуется (я вижу). Мне даже его жалко, но делать нечего, пишу. А ведь

не хочется. За окном солнышко, весна. А я сижу совсем не злопамятный и с трудом сочиняю свой академический текст.

«На допросе следователь, капитан Жучков, сделал ряд замечаний о моем «участии» в организации новогодней елки для детей политзаключенных. Я знаю, очень многих интересуют проблемы, связанные с оказанием помощи политзаключенным, их семьям и особенно их детям. Да, это интересует меня лично, моих друзей и, как теперь видно, следственные органы КГБ. Не вижу в том ничего дурного. Считаю полезным обсуждение этих проблем в любом аспекте: теоретическом, практическом, правовом, социологическом или социальном, наконец, даже в нравственном, но ни в коем случае в аспекте уголовном. Мне кажется, это никак не может быть предметом судебного исследования».

Жучков явно недоволен.

Вопрос 15: — Желаете ли еще сделать добавление?

Ответ: — Нет.

Разумеется, я ничего не забыл. Не забыл я и разорванный лист протокола. Почему же тогда — нет? Что мне помешало потребовать понятых, склеить разорванный лист и приобщить его к делу? Что? Трусость обыкновенная. А если объявят меня психом с помощью тех же понятых? Кстати, сегодня узнал, что Юра Шиханович «оказался» ненормальным. Но Юра самый нормальный человек из всех, кого я когда-либо видел.

Теперь все надо внимательно проверить и прочесть, все-таки документ следствия.

— Верно, документ, но для вас он имеет другой смысл, — недовольно ворчит Жучков.

— Какой смысл?

— Ну, как же. Здесь все так выпукло... (он показал руками, как именно выпукло).

Теперь он молча провожает меня на волю.

Опять драгоценные двери. До свидания, двери! До свидания, уважаемое КГБ... Вы недовольны? Вот вы все сажаете нас и сажаете, но в чем-то все-таки мы правы. Нет, не во всем, конечно, но правы... А вы все сажаете и сажаете... Не знаю, но говорят, что посадишь, то пожнешь... До свиданья...

До свиданья, капитан! До свиданья, капитан моря житейского Жучков. Плывите, только подальше от моего берега. Вы ведь все знаете: приливы и отливы. И откуда ветер дует знаете. Враждебная волна, надеюсь, не захлестнет вас. Вы не разобьете о земные скалы свой старый парусник. Не испугают вас разные там айсберги, вайсберги, рабиновичи. Но подумайте, уж не врет ли ваш компас (а он ведь исторический). Вы все советуете подумать другим... А сами?.. Подумайте, есть время...

Все кончилось, я на воле.

Часть вторая

Все эпиграфы — в тексте

НАДО СОБРАТЬСЯ С МЫСЛЯМИ

(Читайте медленно)

Я свободен. Действительно, все кончилось. Как странно. Кажется, я хочу всего, но сам не знаю чего... Подождите... Дайте поглядеть на солнце — оно скоро зайдет... Уже вечер. Седьмой час... А я пришел — не было двух... Оказывается, в мире еще столько свежего воздуха — никогда бы не подумал. Но почему так трудно дышать?

Ну вот, жалкий трус. Конечно, ты не можешь забыть про Жучкова... Отвлекись... О «Хронике» тебя не спросили, ну и хорошо. Отвлекись... Да, но как?

А очень просто... Подумай о домашних делах. Посылку отправить ты не забыл? — сестра просила... Отправил... Вчера... Вчера я отправил куклу внучке моего двоюродного брата Марека. Он живет далеко отсюда... В Варшаве. Он давно живет в Варшаве. Строго говоря, он, кажется, там родился. Там, на маленькой улице Теплице, ее мало кто знает — всего-то два дома. И надо же: в одном из них живет он... Добрый и толстый волшебник, на все руки мастер, Марек... Сентиментальный обожатель классической музыки, Марек... Вижу, как он подходит к столу, к окну. Чего-то спрашивает у Нади. Как хочу я прийти сюда и молча сесть рядом. Дайте мне немного душистого надиного супа. Я так долго шел к вам, я проголодался. И еще селедки... Боже, и как только умеет Надя делать соленую селедку несоленой... Ну просто чудо!.. А Марек, этот удивительный человек... Вы же не знаете, что при немцах он сделал радиоприемник. И специально, чтобы

слушать Бетховена и Чайковского. И Мендельсона и Баха. Конечно, по приемнику можно слушать не только музыку. Но кто об этом станет вспоминать сейчас? Хенек и Сташек — его братья. Они погибли. Один в гестапо, а другой от ран в самом конце войны. Они были коммунистами, как и отец. Да ведь и не так уж много времени прошло. Но не надо об этом. Не надо...

Итак, я послал Малгосе куклу. Шагающую куклу с фабричным именем «Нина». Я заполнил четыре бумажки и везде написал: шагающая кукла Нина, шагающая кукла Нина, шагающая кукла Нина... Потом шесть раз «откуда» и шесть раз «куда». И зачем так много? Зачем? Чем больше пишешь, тем больше сомнений. Кстати, Малгося ведь старше Яна. Ян — это мой сын. Я часто спрашиваю его: «Почему я люблю тебя, Ян?» А он всегда в ответ: «Потому что ты мой сын»... Странно. Мистика. Как будто это было давно. С отцом ли я говорю или с сыном? Ну, конечно, с сыном. Он родился в 1969. А в 1968 погиб Ян Палах... А еще тридцать пять лет назад — мой отец. В память о них я дал ему это простое и красивое имя: Ян. Пусть только не уронит. Ему сейчас четыре года, всего четыре года. Мне было тогда, в 1937, ровно столько же, но... Об этом не надо... не надо...

А что, собственно, надо?

Впрочем, может, выпить? Хорошая идея. Вам тоже лучше бы выпить, чем читать это все. Но вам нравится? — Читайте! Тащите мою душу на свою пишущую машинку. И стучите в нее, стучите. Подправляйте, дополняйте. Главное — ак-ту-аль-ность. В «Самиздат», так в «Самиздат». Нет, в иностранном журнале я не хочу печататься. Я не боюсь. По крайней мере, сейчас, пока не боюсь. Не знаю, может ли вообще человек бояться того, что написал? Просто я не люблю иностранцев. Они ведь ничего этого не понимают... Ничего...

А не лучше ли в кино? Хорошая мысль. Везде

сейчас «Черный принц» — воспитательный фильм о работе нашей милиции. Чтобы задержать мошенников, милиция организует в ресторане крупную драку — очень смешно. И как ведь, однако, поучительно. Но нет! Уж лучше действительно выпить... Выпить? Мой первый тост за Файнберга и Борисова. За Лёню Плюща. Жаль, я их никогда не видел. Но ничего! И за Петра Григорьевича тоже. За его бесконечную и беспримерную жизнь. За моего самого лучшего генерала, генерала нашей совести. Выпить и не грустить. И почему такое странное лето? Душно... Ну, если так уж душно, что и открытая форточка не помогает, надо погулять, побродить по Москве. Я пойду один. Пешком. От Комсомольского проспекта генерала Григоренко, от его дома до площади Пушкина. К памятнику, чтобы прочесть на граните незатертые еще и нестарые слова про жестокий век, про свободу и про милость к падшим.

А потом. Потом я зайду в кафе на Неглинной. Здесь мы обедали с Петей Старчиком — теперь он тоже псих. За твоё здоровье, Петя. Я тебя не забыл! Не за-был! Я уеду в метро мимо огней и станций, мимо чужих мужчин и женщин. Вот здесь я случайно встретил тебя и Алё. Почему я не могу встретить тебя сейчас, Юра Шиханович? Дай мне глаза твои, чтобы заглянуть в них! Скажи, что ты не понял меня... Скажи... Нет! Ты ничего не скажешь теперь. Ты не можешь попасть сейчас под дождь, как я. Ты псих? Ты в больнице? Какая чушь! За твоё здоровье, Юра! Я пью за твоё здоровье. Оно нам ещё понадобится... Нет, за всех, кто там, я пить не стану... За всех подряд? Нет, нельзя... Спросите их сами. Спросите, хочется ли им всем быть в одном тосте... Всем вместе... Но я никого не осуждаю... Вы хотите осуждать человека, который попал в беду? Который хватается за соломинку? Да, за вас хватается. А за вас нельзя? Вы трусите? Или принципы? Можно ли осуждать его?

Он ведь хочет так мало. Он хочет, чтобы на суде ему зачли хотя бы часть из тех семнадцати лет, которые он ошибочно провел в тюрьме. Бедный суд. Что ему делать? Но можно ли в конце концов верить показаниям этого человека и одновременно осуждать его за ложь? Это же абсурдно. Так же абсурдно, как столовая, закрывающаяся на обед. Она должна именно открываться, а она закрывается... Хотя, быть может, мы еще недостаточно привыкли к абсурдам... А все-таки. Поразительное зрелище: суд над только что раскаявшимся лжецом, просидевшим в тюрьме семнадцать лет по ошибке. Его мерзость очевидна. А ваша? Ах, извините. Да, но не сидит ли в каждом из нас маленький Якир? За что его судят? За то, что ему в жизни не повезло?.. Кого судят? Кого и что? Ложь... Ну, хватит... довольно... Лучше о другом... Обязательно о другом.

Интересно... А москвичи так похожи на варшавян. Я давно не был в Варшаве... Соскучился... Впрочем, кого это интересует? Кто знает, что на 15 трамвае можно съездить в Жолибож? И в Москве есть 15 трамвай. Но вот как пересест с одного на другой? Я люблю Варшаву, но это слишком лично... не описать... Старе Място, Гданьский вокзал, памятник и надпись «Тестамент» Словацкого*. Жаль, вы не понимаете по-польски, вы не знаете польского языка... Но ничего, я прочту другие стихи. Хорошие стихи хорошего человека и совсем немного:

И тогда, как стучат колотушкой о шпалу,
Застучали сердца колотушкой о шпалу,
Загудели сердца, мы вернемся в Варшаву,
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву.

По вагонам, подобно лесному пожару,
Из вагона в вагон, от состава к составу,
Как присяга, гремит: мы вернемся в Варшаву,
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву.

Пусть мы дымом истаем над адовым пеклом,
Пусть тела превратятся в горячую лаву,
Но дождем, но травой, но ветром, но пеплом
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву**.

---

* Из поэмы А. Галича «Корчак».

** Ср. «Кадиш» в сборнике А. Галича «Поколение обреченных», «Посев», 1972. — Р е д.

На обыске у меня просто все взяли мои варшавские адреса... и телефоны. Где они теперь? Кому пригодились? Требовали выдачи антисоветской литературы — не оказалось. Взяли тогда телефонную книгу... К счастью или к несчастью, но у меня нет ни антисоветской, ни советской, никакой литературы нет, потому что у меня просто нет имущества.

Мне оно не нужно. Мое имущество — это мое чувство юмора (много ли его — не знаю). А еще доброта, по крайней мере, с некоторых пор. Вы хотите конфисковать мое имущество? Обратить в доход государства? Пожалуйста. Берите все. Я только рад. Мне ничего не надо. И я не завистлив. Я никогда не завидую тем, кто отдыхает в закрытых санаториях и лечится в закрытых больницах для привилегированных. Тем, кто ходит на закрытые просмотры, — не завидую. Не завидую тем, кто покупает без очереди в закрытых магазинах по закрытым ценам и на закрытые деньги. Но вот закрытые библиотеки, закрытые книги и журналы — мне это не очень нравится, не сердитесь, Жучков, не мстите. Не нравится. Между прочим, каждый месяц покупаю себе единый проездной билет на все виды транспорта, и не по причине выгоды. Нет, просто я люблю свободу выбора, и все! Как хочу, так и еду. И не то важно, что имею право, а то важно, что дух мой свободен. Свободен от мелочных забот в поисках разменной монеты. Свободен от общения с неинтересными людьми — кондукторами, контролерами и прочими. Хоть в этом, малом, но свободен. Однако не будем о свободе — это трудно. Мир спасет не свобода, а доброта. А уничтожить может только ненависть. 27 июня, XV век.

P. S. (Еще несколько строк матери).

Ради Бога, мама, не сердись. Вижу, как дрожат твои тонкие пальцы... Как они устали... Как больно и сладко глядеть в твои большие недовольные глаза и слышать упреки твои. Тяжело тебе было всегда... Я постараюсь не огорчать тебя, постараюсь...

Ведь не все еще так плохо. Ты помнишь, в прошлом году под праздник? Да, 6 мая они пришли рано утром — сказали: «международная телеграмма». Почти как тогда, в тридцать седьмом. Странно, ты ведь совсем не боялась. Ну видишь: есть Бог на земле. И молитву Солженицына в твоём синем халате они не нашли... Видимо, им стыдно было обыскивать тебя... Где он теперь, тот одинокий листок из школьной тетради с твоими беспокойными буквами?.. Не его же они так долго искали. Так настойчиво. Банку с вареньем разбили. Тебе ведь, правда, не жалко банки с вареньем. Они жизнь твою разбили. Что им понадобилось тогда? Письмо Солженицына к Андропову, какая-то записка Феликса Хайянова и ещё что-то... Играла музыка. Все слушали песни Булата Окуджавы, хотя и на польском языке (пластинку я привез из Польши. Подарок Марека). Они проверяли пластинку. Проверяли, нет ли там ещё чего-нибудь... А там как раз — было... Было, но они сделали вид, что ничего нет. Но ведь было. Потому-то я и люблю эти песни. В них я узнаю про себя. Я пою их сам себе, как будто сам их придумал. Да... Я благодарен автору... Кстати, мог бы ему кое-что спеть его же. Не очень громко, но, может, он все-таки услышит: «И мы рукой на прошлое — вранье, а мы с надеждой в будущее — свет»*... Жаль, немножко забыл мотив. Сам Окуджава поет великолепно. В тот день он пел. Как раз в конце пластинки его теплый голос совсем не стесняли ни звуки города, ни разбросанные по комнате бумажки. Он пел. И тогда все обыскивающие и их понятые, привезенные откуда-то издалека, смогли, наконец, получить от своей работы точку морального удовлетворения. Боже! Как они были тогда вежливы. Как жалели, что не застали меня дома. И томик Есенина не взяли.

---

* Из песни «О войне» (см. сборник Б. Окуджавы «Проза и поэзия», «Посев», 1968. — Р е д .

А в 1937 году взяли. Видишь, мама, — прогресс! (Только почему-то меня всегда пугают эти две буквы «с» рядом). Ладно, я перееду. Чтобы не навредить Боре. Я все понимаю. Я перееду из вашей 152 квартиры. Но письма ко мне будут еще долго приходить. Ключи положу в коридоре у двери, как всегда, на старом зеркале. Я только раз взгляну в него на прощанье. Я уеду и не вернусь. Но вы не выбрасывайте это зеркало из модной своей 152 квартиры. Пусть оно себе живет. Пусть только ни о чем не напоминает. А ты, мама, просто скажи сестре при случае, что отец родился 28 мая, а умер тогда, когда был расстрелян, 14 марта. Да, именно тогда это случилось.

Конечно, я ничего не помню — зато все знаю... Почти все... Именно... В 7 часов утра было как раз холодно: минус 6,2 градуса. Хотя солнце светило ярко, даже слишком, но атмосфера нагревалась неохотно и медленно. За полчаса до полудня термометр показывал 5,4. Синоптики сулили облачность, но погода стояла великолепная. Вероятно, самая лучшая, какая только могла быть в то время. Да. В этот день в Москву прилетели скворцы и грачи. И люди, вполне обычные, беспристрастные люди, глядя в небо, говорили — весна, весна. Потому что небо было такое доброе, такое голубое и безоблачное, что казалось, оно такое везде. Безоблачное небо! Над всей Россией безоблачное небо**. Но под ним, внизу, на брэнной земле копошилась история.

Фашисты занимались своим любимым делом — мучили евреев. Теперь уже в Австрии. Австрию они захватили вчера, только вчера. Во Франции, как обычно, формировалось себе новое правительство. На ледоколе «Ермак» сквозь льды и туман плыли герои-папанинцы — не к своей славе. К славе Ро-

---

** «Над всей Испанией — безоблачное небо» — условный сигнал к началу военного мятежа, который радиостанция г. Сеута передала 18 июля 1936, после овладения мятежниками Испанским Марокко. — Р е д.

дины, к славе Сталина... А тем временем астрономы разглядывали пятна на солнце, Баку — торжественно отмечало 60-летие смерти Ахундова (потому что он поднял свой гневный голос протеста против тирании Николая I — как писали газеты). И чугуна выплавляли в этот день 43 с половиной тысячи тонн.

Жизнь бы текла и капала бы как обычно. Но стало известно, что Президиум Верховного совета отклонил (он, такой добрый, никогда ничего не отклонял). А тут вдруг отклонил ходатайство о помиловании *Бухарина*, *Рыкова* и других, и других, и других. Как раз тогда их и расстреляли. Отца тоже.

Утром — последние известия... А в 8.20, когда по радио читали передовицу «Правды» — она называлась «Советский суд выполнил волю народа» — вот тогда стало жутко. Конечно, некоторые фразы показались бы неприличными, но праведный, всеослепляющий гнев обволакивал сознание таким туманом, так красиво и благородно дрожал своим голосом известный диктор, что даже вполне бандитские слова «собаке собачья смерть» не резали слух, нет, они воспринимались в форме некой, очень даже уместной абстракции. Да ведь ко многому уже привыкли. Газеты печатали отклики взбудораженного населения: «Спасибо *Сталину* (дорогому)», «колхозное спасибо *Ежову*», школьник учил стихи, опубликованные на прошлой неделе в «Правде» на злобу дня:

Как пламя бушует во мне возмущенье
И ненавистью рождено вдохновенье...
...С собакой сравнить их, злодеев лихих?
Собака, завыв, отшатнется от них.
И *Кирова* кровь на руках их горит,
И пламенный *Куйбышев* ими убит...
(А Маяковский застрелился сам —
жаль, он не читал этих стихов?)

Они соловьиное горло сдавили,
Великого Горького, гады, убили...

(Ах, поэты! Я не знаю, какие стихи вы писали тогда, но какие вы читали?..)

...Скорей эту черную сволочь казнить
И чумные трупы, как падаль зарыть!
Я, древний *Джамбул*, под раскаты струны
Суду говорю от лица всей страны:
С родимой земли эту свору стереть —
Собакам — собачья, позорная смерть...
(Страшно... Но вот и загадка?)

...Кого воспитали нам Ленин и Сталин,
Кто тверд и суров, как отлитый из стали,
Кто барсов отважней и зорче орлов, —
Любимец страны, зоркоглазый...
(Кто?..)

Ежов!

— И это правда?

— Правда!

«Правда», март 1938 года*.

То, что началось в 1937 году, еще не могло, не успело закончиться.

А жизнь текла... Уже в 8.30 по радио вслед пере­довике «Правды» звучала симфоническая музыка. Музыка. — Большому злодейству требовался большой пафос. — Работали рестораны и оперетта. В цирке показывал чудеса дрессировки сам Дуров. Во МХАТе бросалась под поезд Анна Каренина — депутат Верховного Совета А. Тарасова... В филиале шла «Гроза». На Арбате у Вахтангова — «Без вины виноватые» (Незнамова играл Москвин). В Малом — «На всякого мудреца довольно простоты» — и, конечно, Рыжова. В Большом — народный артист Рейзен весь вечер боролся за свою любимую — народную артистку Барсову — с неким Черномором, которого в сущности никто не играл, который даже не был обозначен в программе. Разумеется, дирижи-

---

* «Правда», 7 марта 1938 года. — Р е д .

ровал Самосуд, разумеется, тоже народный артист СССР. А на экраны вышел новый изумительный фильм «Великий гражданин». И вот публика, опьяневшая за день газетной трескотней, наконец-то отдыхала и умилялась до слез, наблюдая великолепную игру самых лучших в мире советских актеров. Никому, ни одному человеку, не пришло в голову, хотя это следовало из всего, что творилось давно, целый год, целый месяц, целый день, из того, что писалось в газетах, говорилось на собраниях и по радио: если Бухарин и Рыков — убийцы, и это правда, то они бы сделали то же самое и так же, будь только их власть... Моего отца тогда, возможно, и не убили бы. Возможно... Но ведь убили бы отца у кого-то другого — трагедия была неизбежна. В том и была трагедия.

А люди... Что они могли сделать? В этом мире? Они молились Богу, единственному Спасителю всех. Был второй день второй недели Великого поста, понедельник. Тяжелый день. Наверно, самый тяжелый из всех понедельников. Но никто об этом не думал. Рекламы звали пить томатный сок, хранить деньги в сберегательной кассе и вызывать агентов на дом по телефону К 2 37 51... Зачем? Чтобы быстро страховать жизнь. Чтобы страховать имущество. — Пользуйтесь услугами Госстраха! Подмигивала уличная реклама: Пользуйтесь Госстрахом! И все пользовались.

Мама... Бедная моя мама, ты тихо ходила по коридору мимо старого зеркала, мимо неразговорчивого, железного телефона, нашего телефона Г 1 77 39. Мимо новых соседей, мимо трусости и бездушия. Ты слушала звуки лестничной клетки и плакала. Просто ты не понимала, почему сегодня в Лефортово у тебя не взяли передачу. (Подожди, узнаешь через 30 лет... Подожди...).

А я спал и ничего не знал. Ничего абсолютно... И Белинский, случайно попавший в коричневый ста-

рый переплет. Он лежал тогда под диваном, наверно, залетел при обыске, год назад. Он лежал там и молча (уже!) «завидовал внукам и правнукам... тем, кто увидит Россию в 1940 году...». В сущности, он ведь мне завидовал. А я не знал. Я бы сам ему позавидовал, если бы знал, конечно! Мне было пять лет. Длинными холодными вечерами я бесконечно рассматривал эту толстую коричневую книгу без картинок. Я не мог ее прочесть тогда, но серый профиль неистового Виссариона на второй странице в самом начале и большой его серый глаз, который всегда смотрел только мимо меня, как я ни поворачивал книгу — это я запомнил навсегда. Он смотрел мимо и завидовал.

А зависть — плохо. Впрочем, как и любопытство.

Странно, откуда у меня столько любопытства? Почему-то я всегда любил глазеть по сторонам! Вот я и высмотрел. Там, в вестибюле на станции метро «Площадь Революции». В блеске черного и красного мрамора желтые скульптуры людей 1937 года. Я их давно заметил. Мы всегда проходили мимо, ничего не замечая, ни о чем не думая. Но погодите же. Поглядите на их лучезарные лица. На их несовременные одежды. Они хотят сфотографироваться. Вам на память — люди 1937 года. Остановитесь, и они расскажут вам все: 4 красноармейца, 4 пионера, 4 пограничника с 4 собаками, 4 мечтательных студента, 4 шахтера, 4 крестьянина и 4 петуха и курицы из 1937 года. Зачем все это описывать! Придите и увидите сами. Увидите, как стареют вкусы, как умирают идеи в венчике красного мавзолейного мрамора, в вечных лучах электрического света. Вы многое здесь найдете. Вы найдете себя.

У самого входа в метро. Не с той стороны, где на стенах «Славься, отечество наше свободное». С другой. Сбоку, у эскалатора, где черными траурными лентами выползают резиновые поручни на запек-

шуюся полированную кровь. Там написано, на стене справа, о том, что движение открыто 13 марта 1938 года. Да, в воскресенье 13 марта.

Но в этот день было слишком торжественно и сыро. Слишком официально и любопытно. Простой народ повалил на работу в понедельник четырнадцатого. Да, именно в этот день. Отец был расстрелян, а станция была как будто специально готова. Вот тогда это и произошло. Никто, конечно, не знал. Ничто не могло помешать. И тогда его дух, его мятежный дух отделился от тела, чтобы поселиться здесь навсегда, в этих желтых головах. Кто же мог об этом знать, кроме меня? Никто. А я заметил это сочетание черного и красного цвета.

У отца нет могилы. Но у него есть памятник. Нет, я его не придумал. Я его открыл. Это памятник всем невинно казненным в 1937 году. Лучшего не будет никогда. Правда, нет здесь торжественной могильной тишины, но они этого не желали сами. Вообще-то они никогда не думали о смерти. Они умерли по ошибке. Была такая странная историческая ошибка.

А памятник? Он вечен! Его не сломают, не снесут никогда, потому что это памятник Революции.

Каждый год 14 марта я кладу здесь мои цветы. Мое зеленое слово... Мою красную кровь... Незаметно. Незаметно, чтобы не спугнуть идею. Но если я не смогу когда-нибудь это сделать, пусть сестра или кто-нибудь... Не надо бояться неприятностей по работе. Нельзя же вечно бояться. Это просто странно. То мы излишне осторожны, а то излишне беспечны. Шутим, смеемся, оставляя каждый прожитый день миллионы улик — косвенных. Но пока ни одной прямой... Зато как мы смеемся, когда возвращаемся с допросов домой. Смеемся над нелепыми вопросами следователя. Ах, вопросы! Надо быть гением, чтобы постичь их сокровенный смысл. Вот так, с усмешкой мы уходим в тюрьму, в психушку. Там-то мы все

поймем. Наивные, мы верим, что не виноваты ни в чем. Ни в чем? А наши шутки, имеющие целью реставрировать капитализм? А наши подпольные организации в юности из двух человек, когда мы тайно целовались в первый раз в жизни? Почему мы не завтракали 5 августа? Почему не спали двадцать первого?

Мама, ты всегда хотела, чтобы я был похож на отца. Но для этого я должен быть посмертно реабилитированным. Этого, надеюсь, ты не хочешь? Ладно, я все брошу. Я покаюсь... Теперь модно каяться.

Итак, я виноват. Простите — я ошибся. И не судите строго. А главное, не забудьте про эти наши «смягчающие» обстоятельства. И не забудьте о тех, кто ввел меня в заблуждение. Все-таки я читал советские книги и учился в советской школе.

Все-таки!.. Да, но мысли... Откуда только берутся эти мысли?.. Непостижимо... Бывало лежишь себе на диване с газетой. Не то чтобы мечтаешь, а так как-то... Короче говоря, есть-пить хочется. Лежишь, философствуешь. Разные фантазии в голове прямо компаниями ходят... А зачем? Ведь все реальное давно реально, а непознаваемое непознаваемо... А ты?.. Ты ведь каждый день опаздываешь на работу. Почему ты не думаешь об этом? Помалкивать, помалкивать бы, глядя на окружающую тебя со всех сторон действительность! Но куда там — идеи: вот если бы... Если бы покупать хлеб (за золото, разумеется) не у чужих капиталистических дядей, а у своих же колхозников — как вам это нравится? А? И вообще... Вообще — чем продавать им (капиталистам) полезные ископаемые, которые и нам полезны, так не лучше ли продавать то, что не полезно или даже вредно. Ну, например, клевету (на нашу действительность). Продавать и опровергать... Опровергать и продавать... Пусть себе льют свою грязную воду. Но ведь на нашу с вами мельницу!.. Хотя ладно, так и быть, каюсь... Вот и заявление. Читайте, сочувствуйте, советуйте!

В компетентные органы гор. Москвы и Московской области.

Уважаемому «товарищу»
от гр-на такого-то, проживающего
там-то и там-то в квартире 152

ЗАЯВЛЕНИЕ

Да, на основании статьи 19 Всеобщей Декларации прав человека я действительно систематически думал, что каждый человек имеет право на свободу убеждений, на свободное их выражение. Я верил, что это право включает в себя свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений, свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами... и независимо от государственных границ. И подпись.

Да, я виноват... Одного прошу: никогда не упрекайте в отсутствии патриотизма. Оправдываться перед вами я не стану, не смогу. Разумеется, человек любит свой город, свою землю — это нормально. Если только он считает это чувство естественным и личным. Если он не требует навязчиво и активно ровно того же самого от своих соседей, от своих сограждан. Человек вправе думать и чувствовать, как он думает и чувствует. Нет, ничего особенного — просто мне не нравится, когда в стране существуют политические заключенные... Ну, то есть те, кто любит родину не так, как надо, не как положено. Ах, вам не по вкусу такое объяснение?.. Ничего... Не беда...

Когда-то мне объясняли, например, что я не могу повидать свою родную тетю в Польше, так как в мире существуют два лагеря — двоечье — социализм и капитализм. Это было всего-то лет десять назад. С тех пор старенькая тетя умерла. А объяснение? Оно еще живет? Нет уж, не упрекайте меня в отсутствии патриотизма. За всю свою жизнь я не видал ни одного шпиона, ни одного диверсанта, но

зато сколько всяких прохвостов и дураков. Нет, я не стану любить еще больше свой город или свою землю оттого лишь, что их наградят, например, орденом Ленина (хотя бы даже орденоносные города и лучше снабжались). Меня даже не смущает, уж не упрекайте, что давно не поем мы наш государственный гимн. Представьте, не смущает. Пусть это смущает вас.

Извините меня. Не судите сурово. Просто сегодня я выпил ради такого случая.

В. Альбрехт

27 июля 1973 года

P. S. Мама, если они опять придут и будут спрашивать эту свою антисоветскую, клеветническую литературу, дай им... там, в коридоре, под зеркалом, где старые газеты... там вырезка из «Литературки» про академика Сахарова*... Может, она им пригодится... Я принес специально... Пусть только внесут в протокол: дескать, выдано добровольно... Андрей Дмитриевич и Люся, думаю, не обидятся на меня.

---

* Ссылка на статью Ю. Корнилова «Поставщик клеветы» в «Литературной газете», 18 июля 1973 года. — Р е д .

ЗАЯВЛЕНИЕ ОБ ОБЫСКЕ

В ночь с 27 на 28 августа у меня на квартире сотрудниками КГБ был произведен обыск по делу № 24.

Поскольку,

еще неясно, будет ли расширяться и поощряться культурный и информационный обмен, в том числе в области права и проблем прав человека,

уже ясно, что предположение о бесконечно длящемся деле № 24 является достаточно хорошим приближением, прекрасно работающим на практике,

полагаю правильным сделать заявление о том, что,

помимо всевозможных самиздатовских правовых документов и копий документов, а также оригинальных статей и информационных материалов по проблеме прав человека в Советском Союзе, помимо самиздатовских сборников статей и документов юридической практики, в том числе сборников «Общественные проблемы» и «Международная амнистия», помимо хранившейся у меня части архива Комитета прав человека — всего не на одну тысячу листов машинописного и рукописного текстов,

у меня были изъяты:

9 книг на иностранных языках зарубежных изданий,

38 брошюр на иностранных языках, отпечатанных типографским способом зарубежными издательствами,

8 иностранных журналов — фактически вся имевшаяся у меня правовая литература, в том числе ООН-овские сборники конвенций, номера хроники ООН, журнал «Хюман райтс» под редакцией Рене Кассена и Карла Васака,

журналы и сборники других известных правовых международных организаций, в том числе специальный ООН-овский сборник 1968 года «Год прав человека», в котором, между прочим, помещена жемчужина достижений Советского Союза в области прав человека — Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1968 года «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан»...

А. Н. Твердохлебов

4 сентября 1973 года

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ПРЕССЫ

В ночь с 24 на 25 августа Орловское управление КГБ произвело в моей квартире обыск. Искали антисоветскую литературу — ее не нашли. Вместо нее унесли мешок богословских книг, изданных за границей. С 27 августа начались допросы у следователя О. Ф. Ильина. «Предварительным следствием убедительно доказано, что вы переправляли на Запад антисоветские материалы. Откуда у вас столько эмигрантских книг? Нам известно, что вы регулярно пополняли редакционный портфель журнала «Вестник РСХД»... Не улыбайтесь, дело серьезное...»

В ходе допросов вдруг всплывают слова, сказанные при закрытых дверях, называются имена друзей. Становилось ясным, что на протяжении нескольких месяцев каждый день мой был просвечен, просмотрен, выслежен. Я почувствовал азарт облавы: «Вы окружены, капитулируйте!» На один из допросов была вызвана моя жена. «Вина вашего мужа доказана, — сказали ей, — чистосердечное признание облегчило бы его участь». Я подумал: а в чем собственно моя вина? Почему то, что я делаю, превращает меня в преступника? Ведь речь идет о самом первичном, о самом существенном: о свободе читать и писать, о свободе мысли, о праве на самовыражение, без которых человек теряет себя и свою духовную сущность. Эта возможность неразрывно связана с возможностью передавать и получать любую информацию, если она не содержит военной тайны. Речь идет о суверенности человеческой мысли и слова, утвержденной в Декларации прав человека. Наше правительство подписало ее в числе других членов ООН*. Советское законодательство так-

---

* Всеобщая Декларация прав человека была утверждена и провозглашена 10 декабря 1948 года Генеральной ассамблеей ООН. Ни одна страна ее не подписывала. Поскольку за нее высказалось большинство стран, можно считать, что Декларация была принята Генеральной ассамблеей. — Р е д.

же не запрещает те действия, которые мне пытаются вменить в вину. Наоборот, изъятие рукописи и преследование авторов, произвольные запреты на публикацию, воспрепятствование печатанию определенных произведений не только здесь, но и за рубежом, — это явно незаконные действия, которым должен быть положен конец. Травля свободной мысли, усекновение слова, превратившиеся у нас в порочную привычку, не могут быть оправданы ничем. Ссылка на идеологическую борьбу лишена смысла, если встать на правовую почву. Она действительна лишь для тех, кто хочет принимать участие в этой борьбе. Но я не давал идеологической присяги и не обязан обладать непременно официальными убеждениями. Если государство не хочет публиковать то, что не входит в сферу его интересов, или не соответствует официальным концепциям, — все издательское дело у нас национализировано, — то по какому праву запрещает оно своим гражданам думать иначе, творить не как предписывается или читать то, к чему лежит душа. В условиях жесткой цензуры известная часть произведений всегда публиковалась за рубежом. В России, в царствование Николая I основные богословские труды Хомякова были напечатаны за границей. Такой же окольный путь к своему читателю порой вынуждены были находить Лев Николаевич Толстой, Владимир Сергеевич Соловьев. Тот факт, что произведения отечественных литераторов стали в наше время публиковаться за границей, сам по себе свидетельствует о рождении творчества, не укладывающегося в рамки дозволенного. Духовная энергия моего народа не подконтрольна официальным идеологическим инстанциям. Она неизбежно находит выход, и с этой исторической неизбежностью бессмысленно и преступно бороться. Вот почему, не имея возможности запретить людям писать, государственные органы направили свои репрессивные усилия на передачу рукописей. Вот уже 8 лет, начиная с печальной памяти процес-

са над Синявским и Даниэлем, ведется борьба против вольного русского слова. Как и можно было предвидеть, эта борьба не увенчалась успехом. От попыток гашения дух разгорается только ярче и остается только поражаться неспособности гасителей усвоить эту истину, многократно подтвержденную историей. Сегодня мы уже вправе говорить о целой литературе, выражающей умонастроение так называемых «инакомыслящих». Но тяжела судьба авторов, еще тяжелей тем, кто посвящает себя тому, чтобы эта литература жила, публиковалась, распространялась, читалась. Большинство произведений, совершенно не защищенных авторским правом, попадают в пользующиеся дурной славой издательства, которые намеренно используют их в своих узко-политических интересах, а это, в свою очередь, оказывается удобным мотивом для возбуждения политических преследований и уголовных дел. Именно поэтому одна из задач, которую я перед собой ставил, — оградить рукописи и документы от корыстных и спекулятивных манипуляций. Русский журнал «Вестник русского студенческого христианского движения», издательство ИМКА-пресс, к которым я обращался, не ставят перед собой никаких политических целей. С этим не может не согласиться любой непредубежденный читатель. Мне нечего скрывать. О своих действиях я могу открыто сказать перед своим народом и перед миром. Пусть скрываются те, кто боится света гласности и преследует вольное слово. Я действительно передавал на Запад рукописи и документы, и делал это совершенно бескорыстно. Повторяю: мне нет дела до каких-то мифических, идеологических врагов, которым я якобы подыгрываю. До сих пор Запад предоставлял единственную возможность сохранить эти документы, спасти их от физического уничтожения или забвения. Я исходил при этом не только из своего права на свободную духовную ориентацию, но также из требования христианского долга и совести, ибо убеж-

ден, что подлинные духовные ценности не могут создаваться в атмосфере закрытости и дезинформации. Поэтому я считал и продолжаю считать переданные мною материалы серьезным вкладом в сокровищницу русской литературы, русской мысли и самосознания. Вот почему я передавал рукописный журнал «Хроника текущих событий», свидетельствовавший о преследовании людей, которые отстаивали право на свою свободу и свое человеческое достоинство. Да, я передал не напечатанные здесь произведения великих русских поэтов: Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Осипа Мандельштама и Бориса Пастернака. Да, я передавал материалы по истории русской культуры, церкви, религиозной философии и неофициального богословия. В публикации неизданных трудов Николая Бердяева и мученически погибших отца Павла Флоренского и Льва Карсавина есть доля и моего участия. Да, я передал стихи Даниила Андреева и Анатолия Радыгина, запечатлевших трагический образ тюрем и лагерей нашего времени. Да, я передал тюремные дневники Эдуарда Кузнецова — человека поразительного мужества, принесшего себя в жертву ради права евреев эмигрировать в Израиль. Да, я передал фотографии современных преследуемых общественных деятелей и писателей, людей доброй воли. Цель моего заявления не самооправдание. Свой арест я буду считать актом грубого произвола. Но вопрос не обо мне только, но и о том, должна ли существовать русская культура вне зависимости от того, одобрена ли она официальной идеологией и цензурой. Должны ли погибнуть рукописи, если их не хотят печатать здесь? Должны ли быть забыты люди, уже ставшие жертвами произвола? Допустить это значит допустить оскорбление не только русской, но и мировой культуры. Мир не знал бы всей правды о нашей стране, всей сложности ее жизни, проблем ее духа, трагизма ее исторического опыта. Наше столетие лишилось бы какого-то своего смысла и

глубины, если бы оно не вообрало в себя этот опыт. Я обращаюсь за поддержкой ко всем людям, независимо от их политических и религиозных убеждений. Я хотел, чтобы поняли смысл моей деятельности. Одна из серьезных угроз, нависших над миром, это постоянная тенденция к изоляции, к ложной секретности, к упрятыванию зла. Зла и насилия в мире было бы меньше, если бы все о них знали.

Евгений Барабанов

15 сентября 1973 года

О ЗАЯВЛЕНИИ ЕВГЕНИЯ БАРАБАНОВА

15 сентября 1973 года Евгений Барабанов сделал заявление, которое должно привлечь внимание всех честных людей, дорожащих свободой мысли. Привлечь своей смелостью и принципиальностью. Многие годы следствие и политические процессы вращались вокруг установления самого факта передачи материалов, и хотя фактическая сторона редко отрицалась подсудимыми, в болоте следственной фактологии вязла принципиальная сторона дела. И вот Барабанов задает простой вопрос: «А в чем собственно моя вина?.. Да, я передавал рукописи за границу... но весь вопрос в том, должна ли существовать русская культура вне зависимости от того, одобрена ли она официальной идеологией... Зла и насилия в мире было бы меньше, если бы все о них знали». Мы полностью присоединяемся к мыслям, высказанным Барабановым. Со своей стороны мы заявляем, что мы тоже неоднократно поступали так же, и считаем это своим долгом.

Андрей Сахаров

Григорий Подъяпольский

19 сентября 1973 года

О ЗАЯВЛЕНИИ БАРАБАНОВА

Я прочла заявление для прессы Евгения Барабанова. Его допрашивают в связи с тем, что он передавал на Запад «Хронику текущих событий» и другие материалы. Но как можно вести допросы в связи с такими действиями? Разве в них есть что-либо преступное? Напротив, преступно было бы не приложить усилий к тому, чтобы правда стала общеизвестной. Я тоже неоднократно передавала различные документы и информацию; я считала и считаю это своим долгом. Что знали бы в мире о нашей жизни, если бы никто этого не делал?

Елена Боннэр

19 сентября 1973 года

ДРУЗЬЯМ

24 августа в мой дом ворвались с обыском. Затем допросы в Лефортово и вызов в Орел, где с 12 по 20 сентября снова бесконечные допросы. По сей день — нагло откровенная слежка. И все это — чтобы я предал имена людей, у которых взял «Раковый корпус» А. И. Солженицына, статью Н. А. Бердяева, интервью А. Д. Сахарова, стихи О. Э. Мандельштама и другую литературу. От меня требуют, чтобы я указал человека, у которого, как считает чиновник ГБ, я храню «Дневники» Кузнецова. На допросе в Орле следователь сказал: «Ваше счастье, что этот вопрос идет не в сталинские времена». Ну что ж — это верно. Но если испоганят наши души, наступят худшие времена. Посеять страх, сделать обыденным предательство, вот цель полковника Сыщикова и его помощников, с которыми я столкнулся. Выдайте, — говорят мне, — и можете жить спокойно: оставим в партии, защитите диссертацию; намекали, что при желании уехать за границу — выпустят. Нет — шантаж немедленным арестом, угроза лагеря и тюрьмы.

Я верую: долг человека — мерзости насаждаемого страха и предательства противопоставить человеческое достоинство.

В. М. Долгий

26 сентября 1973 года

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ

Второго октября на квартире у моих родителей, где я в настоящее время проживаю, органами КГБ был проведен обыск, при котором была изъята фотопленка с неизвестным мне текстом. Пленка была передана мне знакомыми моего мужа* в виде свертка и о том, что это за пленка, а тем более о содержании материалов я не знаю ничего.

Именно это я показываю без изменений на допросах КГБ уже четвертый раз. Мне, однако, предоставляют готовую версию, что я якобы взяла готовую пленку у гражданки Гальпериной и передала гражданке Бейлиной. Эти женщины — мои знакомые, которые два года пытаются уехать в Израиль.

Версию эту мне повторяют снова и снова, говорят, что будут вызывать до тех пор, пока я не соглашусь с ней. При этом меня допрашивают по шесть часов без перерыва, не давая отдохнуть. Протокол не ведется. Я до сих пор не знаю, против кого возбуждено дело, в котором я являюсь якобы свидетелем.

Теперь мне говорят, что так как я молчу, придется допрашивать моих престарелых и больных родителей — отца 79 лет и мать 72 лет. Отец сейчас находится в больнице после четвертого инфаркта.

Я каждую минуту жду, когда снова меня повезут на допрос. В этих условиях я боюсь, что не смогу долго утверждать правду и соглашусь с любой версией, подсказанной мне.

Как честный человек, заявляю, что если я дам показания против Бейлиной и Гальпериной на следствии и на суде, такие показания не являются правдивыми, а вырванными у меня угрозами и шантажом.

А. Мясоедова

14 октября 1973 года

---

* Гелих. — Р е д.

ЗАЯВЛЕНИЕ А. И. ГЕЛИХА, НАПРАВЛЕННОЕ
В ГАЗЕТЫ «ПРАВДА», «ИЗВЕСТИЯ» И
«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА»

Второго октября 1973 года на квартире у меня и у жены моего сына, уехавшего в Израиль, сотрудниками КГБ был произведен обыск. При обыске были изъяты материалы, автором которых являюсь я. Я сообщил об этом на допросе в тот же день, 2 октября.

Моей невестке Мясоедовой ничего не было известно о содержании этих материалов, попавших к ней случайным образом.

Несмотря на ее полную неосведомленность о содержании моей работы, Мясоедову беспрестанно вызывают в качестве свидетеля, допрашивая ее по шесть-семь часов без перерыва и доводя ее до изнеможения. Основная цель допроса — запугать Мясоедову якобы шпионским характером материалов и принудить ее дать показания в том, что эти материалы предназначены для передачи за границу через лиц еврейской национальности, долгое время пытающихся выехать в Израиль. Ей без конца повторяют фамилии этих лиц*.

Я, как автор, заявляю следующее: мне 72 года, в 1937 году я был арестован за якобы троцкистскую деятельность и провел в лагерях и ссылках 13 лет. Моя семья, в том числе трое малолетних детей, была выслана тоже. Я был реабилитирован в 1956 году. Инженер по специальности, я работал до выхода на пенсию в 1966 году. Последние годы я посвятил тому, чтобы изложить свои взгляды на ход развития социалистической системы и сравнить ее с развитием капиталистических стран. В моей работе я пользовался только открытыми и официальными источниками, которые, естественно, перерабатывал

---

* Тамара Гальперина и Дина Бейлина. — Р е д .

в соответствии с логикой моей работы. Я считаю, что следователь запугивает мою невестку Мясоедову якобы шпионским характером моей работы только для того, чтобы вынудить у нее нужное следствие признание.

Я готов понести наказание за то, что в СССР нельзя иметь собственное мнение.

16 октября 1973 года

А. И. Гелих

ИЗЛОЖЕНИЕ ДОПРОСОВ Д. БЕЙЛИНОЙ

Д. Бейлина. Допрос 15 ноября 1973 года. Следователь — Галкин В. К.

1. Ф. И. О.*

2. Домохозяйка.

3. Работает ли муж — к делу не относится.

4. Будете ли отвечать по Есенину-Вольпину (это ваш знакомый по делам отъезда)?

Я: Что это за Е.-В.?

Он: Составил брошюру.

Я: Это официальный документ? Покажите ее.

Он: Нет, неофициальный.

5. Я: Что за дело?

Он: «Дело о факте изъятия злостных антисоветских материалов, изготовлении копий и распространении их».

Я: № дела?

Он: Это текущая информация. Номера меняются.

6. Он: Хочу вам сказать, чтобы вы видели, что мы знаем много и не хотим делать «дело». А уже можем. Люди пойманы на фактах, а мы их свидетелями держим. Хотим узнать, не ушло ли за границу. Если нет, то сажать их не будем. А если ушло, тогда беритесь.

Я: Знаю уже, насажусь в подвалах Лефортова.

Он: Я так не говорил, это злое искажение. Я сказал, что все насидятся, причастные к делу.

Я: Вы только что сказали, что все причастные к делу. А я при чем?

Он: Вы не изготавливали материала и копий, но через ваши руки копии ушли за границу. Если это подтвердится, то вам будет плохо. Например, если будет опубликовано или заявлено за рубежом, что у них это имеется.

---

* Фамилия, имя, отчество.

Я: Я все поняла. Ближе к делу.

Он: Владеете ли вы русским языком и понимаете ли вы точный смысл моих вопросов?

Я: Достаточно, чтобы понять вас и отвечать.

Он: Так и запишем. Знаете ли вы Мясоедову?

Я: Да, знакома.

Он: Были ли вы у М. дома?

Я: Нет.

Он: Где вы с ней познакомились?

Я: У Гальпериных, дома.

Он: При каких обстоятельствах?

Я: Я у нее находилась и к ней пришла Мясоедова.

Он: Зачем?

Я: Спросите у них.

Он: Где вы встречались с М.?

Я: У себя дома, на улице, у Г.

Он: Знаете ли вы Гелиха?

Я: Что вы подразумеваете под словом «знаете»?

Он: Знакома ли? Какие отношения?

Я: Не знакома. Никаких отношений. Видела один раз, в лицо не помню даже.

Он: Где видела?

Я: У Гальпериной.

Он: Откуда вы знаете, что он Гелих?

Я: Кто-то сказал, кто — не помню. Говорили о его отъезде и о каких-то трудностях.

Он: Был ли он у вас дома?

Я: Нет.

Он: Когда?

Я: Никогда.

Он: Где Гелих живет?

Я: Не знаю.

Он: Знаете ли вы об этом деле что-либо? Я думал, что вы умная и сами придете ко мне. Вы не видите, что мы не хотим дела. Но мы знаем, что вы втянули в это дело Мясоедову. Она — под вашим влиянием.

Я: Кто мы?

Он: Ясно кто.

Я: Точнее.

Он молчит.

Я: О деле ничего не знаю. Но сомневаюсь, что вы не хотите его раздуть.

Он: Почему?

Я: По своему опыту. Вы меня не видели, ничего не знаете, а навязываете всем определенную версию. Это явно предвзятое мнение.

Он: Вы ошибаетесь. Я разбираюсь. Хочу вас предупредить, что сейчас разбираюсь не только я. Я как юрист могу знать только о политическом и социальном аспекте работы Гелиха. Но компетентные органы разбираются и в экономическом и техническом аспектах. Там много таблиц. Может быть, они секретные. Тогда это уже не 70 статья, а 64.

Я: Я хочу заметить, что это уже не имеет отношения ко мне как к свидетелю.

Он: Верно. Но мне сказали предварительно, что вы человек умный и очень контактный. Мне хочется с вами побеседовать. Я знаю, что Мясоедова находится под вашим влиянием.

Я: Под влиянием «сионистов, от которых имеет мелкие подачки».

Он: Я так не говорил.

Я: Говорили.

Он: Может быть, но она упирается и закатывает истерики по вашему совету. Передайте ей, что это ей повредит.

Я: Что-то вы очень заботитесь о нас на словах, но не на деле.

Он: Почему?

Я: Вы ее довели до такого состояния, что она лежит у меня часами без сил, не ест и не пьет.

Он: Мы и дальше будем ее допрашивать, и вас, и Гелиха, и Гальперину, и мать Мясоедовой. Пусть она знает.

Я: Мы отвлеклись. У вас есть еще вопросы?

Он: Нет, но сейчас здесь будет Гелих. Он гово-

рит нечто иное. Мы уточним — и завтра снова к нам. Впрочем, еще вопрос. Когда вы в последний раз видели Мясоедову?

Я: Вчера.

Он: Где:

Я: В метро.

Он: Станция?

Я: Лермонтовская.

Он: А далее?

Я: Я поехала по делам, а она меня проводила до метро Университет.

Он: О чем вы говорили?

Я: О чем говорят женщины?

Он: Ясно. Подумайте о себе. У вас семья.

Я: Вы о нас уже заботитесь. Зачем мне думать? Вы уже придумали все за меня.

Он: Вы считаете, что мы себя плохо ведем по отношению к вам?

Я: Время покажет. Если вы действительно разбираетесь в деле, то ничего плохого вы мне сделать не сможете. Если это инсценировка и вам велено меня посадить, то — посадите. Но не убедите, что я что-то делала незаконное.

Он: Сейчас не то время. Вы же знаете, что в последнее время никого зря не сажают. Мало того, отпускали тех, кому надо сидеть.

Я: Я не в курсе того, кого сажали и выпускали, но по своему опыту вижу, что меня пугают причастностью к делу, о котором я понятия не имею. Я уже к этому готова со дня подачи документов на выезд.

Он: Вы хотите сказать, что это дело связано с желанием уехать? Это неверно. Вы — секретоноситель, как я узнал, и вас не выпускают только из-за этого.

Я: Это тоже неправда, как и все остальное, но это к делу не относится.

Он: Не думайте, что это из-за того, что вы уезжаете.

Я: Я так думаю, и думаю, что если не это, так что-нибудь другое придумаете.

Он: Нет, ни в коем случае.

2 допрос. 16 ноября. 14.30 — 16.30 часов

1. Препирательства по поводу постановления о начале дела (показал «из любезности», — когда я отказалась участвовать в допросе) — «Постановление о начале предварительного следствия по делу 396 «О факте изъятия антисоветских материалов и изготовлении копий и распространении их» (число и еще что-то закрыл бумагой). Постановление Галкина, принял к исполнению — Галкин.

2. Он: Почему добиваюсь постановления?

Я: Потому что приход к вам не подарок, это очень неприятное дело. А может быть, дела нет и вы меня просто так вызываете? Я хочу знать.

Он: Появились советчики?

Я: Простая логика — вот мой советчик.

3. Препирательства по протоколу — почему нет названия дела в нем?

Он: Не обязано быть название, это не соответствует УПК.

Я: Покажите.

Он: Не обязан.

Я: Отказываюсь от дачи показаний.

Он: Покажу из любезности (30 минут изучаем УПК и комментарии к нему, не находим ничего).

Я: Хорошо, вы не возражаете, если я дополню протокол названием?

Он: Не разрешаю. Что вы так агрессивны? И нервозны?

Я: Вам показалось. Я просто проанализировала вчерашний допрос и поняла, что это серьезное дело, оно очень неприятное. И я хочу в нем разобраться.

Он: Ясно. Вернемся к протоколу?

Я: Хорошо.

Он: Вы мне вчера показались очень умной и коммуникабельной. А сегодня — расстроили.

Я молчу.

Он (первый вопрос из протокола): Знали ли вы о том, что на квартире Гелиха в Москве хранятся и изготавливаются антисоветские материалы?

Я: Не знала.

Он: Учтите, что это все потом будет доказываться и опровергаться нашими данными и показаниями вашего знакомого Гелиха.

Я: Он мне не знакомый.

Он: Вы следите за каждым моим словом, так нельзя.

Я смотрю на часы.

Он: Ах, вы спешите?

Я: Это неважно.

Он: Как мама, не испугалась?

Я: Какое это имеет значение?

Он: Много вчера народу было? Чувствую держали совет.

Я: Вы это лучше знаете, сколько было.

Он: Почему?

Я: Там ваши люди стоят.

Он: Не может быть.

Я: Это тоже неважно, к протоколу.

Он (вопрос из протокола): Знали ли вы, что на квартире Мясоедова-отца, где проживает Мясоедова Алла Александровна, хранятся пленки?

Я: Нет.

Он: Так, уперлись.

Я: Это правда и я это буду говорить всегда.

Он: Вот и все вопросы из протокола. Теперь запишите свое особое дополнение.

Я: Пишу. Заглавие.

Он: Хочу с вами беседовать без протокола. Поговорю минут 10, разрешите? Я хочу уточнить вам дело, так как вы заблуждаетесь.

Монолог

1. Мы не хотим процесса, так как советскому государству и КГБ нет счастья посадить старика и женщину-Мясоедову. Мы и сейчас это можем сделать. Но не делаем. Мы — гуманная страна.

2. Наша цель — пресечь распространение за границей этих материалов. Пусть старик пишет что хочет, он антисоветчик и этого не скрывает. И пусть, мы уверены, что вы хорошо знаете, где пленки. Мы не успели перехватить у Мясоедовой все: две трети ушло от нее через вас (это без протокола, так что не протестуйте). Я просто говорю, что мы все знаем.

3. Как только мы получим остальное, я как следователь обещаю, что закрою дело. Честное слово. Или может пленки не существуют? Это тоже хорошо. Вы их уничтожили — прекрасно. Скажите.

4. Иначе: если мы их найдем здесь или за границей — плохо. Если мы докажем их существование — плохо. А у нас есть для этого все. Тогда — я вас не пугаю — будет плохо.

5. Если сознаетесь — уедете, а Мясоедову отпущу на все четыре стороны.

6. Придете в понедельник. Я думаю, что вы там самая умная и окажете на них влияние. Если нет — придется их снова мучить.

Я: Мучить?

Он: Нет, я оговорился.

Кроме того, мы можем сделать еще такую штуку: Гелих обратился в газеты, чтобы прекратили это дело. Мы опубликуем куски из его трудов и весь мир узнает, что мы правы. Кроме того, эксперты выясняют дело о секретности материалов, так что пресеките, пока можно.

19 ноября, понедельник

1. Он. Как отдохнули? Как настроение?

Я. Хорошо.

2. Он: Мы спешим и у нас всего два вопроса к вам. Вы принесли УПК? Изучаете? Правильно.

3. Вопрос 1 из протокола: Когда, где познакомились с Гальпериной Т. Г. и в каких с ней отношениях?

Я: Хотела бы у вас спросить, какое отношение этот вопрос имеет к делу «О факте изъятия...» В этом месте Галкин сказал: Видите ли, Гальперина имеет отношение к делу хотя бы потому, что в четверг с ней произошел печальный случай. Вы это знаете?

Я: В общих чертах.

Он: У нее сотрудники милиции отобрали некий материал.

Я: И приобщили к делу?

Он: Мы выясняем, что это за материал. Не дай бог, секретный.

Я: А вы запросто можете его таким сделать, ведь не описано, что это за материал?

Он: Почему же. Сколько страниц и название.

Я: А внутрь засунете бумаги Гелиха?

Он: Что вы, вот все выяснится и вы увидите, что нам можно доверять.

Я: Хотелось бы в этом убедиться, так как я пока в вашу беспристрастность не верю. На словах — одно, на деле — другое.

Он: А почему вы так думаете?

Я: Я поняла теперь, зачем за мной слежка. Завтра вы меня на улице схватите, отберете УПК и сунете пленку.

Он: Ну, что вы, разве мы ей сунули? Она сама это несл.

Я: Я не знаю, пока вы ей не вернули это, с извинениями, не верю.

Он: Я не обязан вам говорить, какое отношение вопрос имеет к делу, я отвечаю за вопросы.

Я: Мне кажется, что это странно, что я должна давать показания о свидетеле. Я в УПК этого не нашла.

Он: Хотите спорить и тянуть время? Будете давать показания?

Я: Буду. Ответ: «По моему мнению, вопросы о делах свидетелей по делу задаваться не должны. Считаю, что данный вопрос не имеет отношения к делу».

Он: Хорошо. Следующий вопрос: В каких отношениях находятся между собой Гелих, Гальперина, Мясоедова?

Я: Я могу ответить вам, в каких отношениях Гелих и Мясоедова находятся со мной, а с Гальпериной? К делу не относится и я не знаю. И давать показания о свидетеле я не обязана.

Он: Это не так, вы упираетесь. Но диктуйте мне ответ: Ответ: «По моему мнению, этот вопрос о личных делах свидетелей к делу не относится». Вы учитите, что по существу отказываетесь давать показания.

Я: Я считаю, что кроме того, что я сказала на предыдущих допросах, ничего нового сказать не могу.

Он: Ах, так кое-что вы знаете по делу?

Я: По делу ничего не знаю, а отвечала вам о свидетелях — Мясоедовой и Гелихе. Видимо, правильно, что не отвечаю о Гальпериной, так как вы скажете, что я знаю о деле еще что-то.

Он: Хорошо. Подпишите протокол.

Я: Я хочу дописать, почему даю такие ответы, а то вы можете привлечь меня за недачу показаний.

Он: Пожалуйста, но сначала сообщите мне, что вы хотите дописать.

Я: Я обязана сообщить?

Он: Да, так как протокол не место для писания чепухи и не относящихся к делу вещей.

Я: Хорошо. Я хочу записать «По моему мнению, мне задаются вопросы о свидетелях, на которые я отвечать не обязана» — это я записала в протоколе.

Он: Пишите.

Я: Это еще не все.

Он: Что еще?

Я: «Следователь Галкин называет меня свидетелем, а уже на двух допросах говорит мне, что подо-

зревает в совершении преступления — передаче за границу антисоветских материалов».

Он: Это я писать вам не дам. Это не относится к делу.

Я: А вы меня хотите привлечь за недачу показаний, я хочу объяснить, почему я не даю такие показания.

Он: Вы просто хотите со мной поссориться. Я говорил это вам в частной беседе. А вы — писать. Ну и не подписывайте протокол. Знайте, что я буду еще много раз вызывать вас. И если докажу, что передавали, то будет очень хорошо. А не докажу — вам повезло. Но думаю, что докажу.

Я: Ясно, до свидания. (Написать о том, что меня подозревают, Галкин не дал, сказал, что могу писать жалобу прокурору).

6 декабря. Допрос 4. (Приезжали за мной 4 декабря, я была больна). 11 часов утра — 16 час. вечера.

1. Пререкания по поводу того, должна ли я подписывать титульный лист протокола сразу или в конце.

Я: Узнаю, что не должна, тогда не буду верить вам.

Он: Да, я знаю, что у вас есть юристы. Я знаю все.

Я: Так должна или нет?

Он: Да, этот лист подписывается отдельно.

Я: Если не так, в следующий раз не подпишу.

2. Пререкания по поводу слежки. Я заявила, что замечаю за собой слежку с 2—3 октября и считаю, что на меня оказывают давление. Кроме того, слежка может быть началом любой провокации. Предупредила, что буду жаловаться.

Он: Вы ошибаетесь, за вами нет слежки, вы исправный свидетель, всегда являетесь.

Я: Напишу жалобу, а там пусть разбираются. У меня есть свидетели.

3. Пререкания по поводу жалобы прокурору.

Он: Несправедливая жалоба.

Я: Буду обсуждать с прокурором.

4. Мое замечание: мне не нравится, что на допросах следователь читает длинные монологи и не дает мне прервать его в местах, где явная ложь или утверждения типа «как вам известно...»

Он: Ну и что, это не идет в протокол.

Я: А потом вы скажете, что я с вами согласилась во всем?

Он: Этого же нигде нет, не записано.

Я: А магнитофон?

Он (смеется): А где магнитофон?

Я: У вас.

Он: Его здесь нет.

5. Пререкания по поводу того, что в комнате сидел какой-то парень в военной форме.

Я: Не хочу давать показания в его присутствии.

Он: Это его рабочее место.

Я: Не знаю. А вдруг он потом будет свидетелем против меня? Внесите его имя в протокол.

Он: Вы меня замучили своими придирками. Толя, уйди.

6. Показ материалов Гелиха. Куча общих тетрадей, желтых и старых.

Он: Нашли у него только около 60. В них вопросы экономики, политики, развития народного хозяйства, социологии, философии.

Я засмеялась.

Он: Что тут смешного?

Я: Что за специальность у Гелиха?

Он: Инженер-нефтехимик.

Я: А пишет он по всем отраслям знаний? А по медицине не пишет?

Он: Нет.

Я: Слава богу, одной отраслью меньше. И вы серьезно думаете, что один узкий специалист пенсионер 73 лет может понимать в такой обширной области?

Он: Гелих утверждает, что его поймут только академики.

Я: Вот-вот, вы сами смеетесь над ним. Вам просто выгодно делать из мухи слона.

Он: Но это антисоветская макулатура.

Я: В этом вы лучше разбираетесь.

Он: Показать вам пленки?

Я: Зачем?

Он: Посмотрите, что за качество. Это то, что вы передали за границу.

Я: Опять вы «передала»? Я еще раз вам заявляю, что ничего не передавала и ничего об этом деле не знаю.

Он: Передавали, я думаю, тем иностранцам, которые падки на всякую антисоветчину. Может быть, не сами передали, а просили кого-то из своих.

Я: Вы ничего не понимаете в том, как живут те, которые хотят уехать.

Он: Я слышал уже от демократов, что сионисты антисоветчиной не занимаются. Они на вас в обиде.

Я: Те, кто уезжает, у них своих дел по горло, мы тут у вас люди случайные.

Он: Но может быть несознательно взялись помочь?

Я: Опять вы за старое? Хватит. Доказывайте, но не утверждайте голословно.

Он: Все в свое время. Но мы еще долго будем с вами иметь дело. И вы не уедете в Израиль.

Я: Ваше дело.

Он: Я за вами присылать не буду, вы мне будете звонить.

Я: Включите телефон — буду.

Он: Мы его не выключали.

Я: А почему именно второго числа?*

Он: Совпадение. Машину не присылать?

Я: Все равно.

Он: Мама как?

---

* 2 октября 1973 года — день произведения обысков у А. И. Гелиха и А. А. Мясоедовой — Ред.

Я: Она уже притерпелась. Только пусть ваш сотрудник приезжает без пленок, а то мы за ним не следим. Сунет дочке в валенок.

Он: За кого вы нас принимаете?

Я: За тех, кем вы являетесь.

Он: Какие у вас основания?

Я: Хотя бы история со мной. Или случай в Киеве с Фельдманом* (обсуждение).

Он: Не бойтесь, мы ведем честное расследование.

Я: Мне бояться нечего. Это вы бойтесь.

Он: А чего мне бояться?

Я: Прославитесь на весь свет и укрепите мнение о своей организации. Воюете с маразматиком и выдаете его за шпиона.

Он: Он не шпион. В начале я так думал, потому что там было много таблиц. Показать вам?

Я: Не надо, я не разбираюсь в этом.

Он: А вы не химик?

Я: Нет, я математик-прикладник.

Он: Вы нас ругаете, а Гелих сказал, что в 1937 году его бы сразу расстреляли.

Я: Вы гордитесь тем, что не стреляете 74-летнего старика?

Он: Вы меня не так поняли.

Я: На одном из допросов вы сказали: «Если я докажу, что вы виноваты — будет хорошо. Не докажу — вам повезло». Это девиз вашего следствия. Вы радуетесь тому, что посадите кого-то.

Он: Я так не говорил. Вы меня ловите на слове.

Я: Прокрутите ваши пленки.

Он: Тут я с вами совсем сбился с ног и нечаянно устроил вам очную ставку.

Я: С кем?

Он: С Гелихом.

Я: Я здесь никого не видела.

Он: Не здесь, а в приемной, когда вы там ждали.

---

* Александр Дмитриевич Фельдман 23 ноября 1973 года осужден на три с половиной года лагерей усиленного режима. — Р е д.

Я: Я там не ждала. И никого не видела.

Он: Он сидел рядом с вами.

Я: То вы мне не верите, что за мной слежка, и говорите, что эти люди мне мерещатся, то говорите, что со мной Гелих сидел. Я его не знаю. Может, вы и правы. Ну и что? Давайте к протоколу.

1-й вопрос из протокола:

Он: Знаете ли вы родственников Гелиха?

Я: Не знаю.

2-й вопрос из протокола:

Он: Знаете ли вы племянника Гелиха — Нудельмана Владимира Сергеевича?

Я: Не знаю.

3-й вопрос из протокола:

Он: Не был ли племянник-Нудельман у вас дома?

Я: Нет.

Вопрос: Знаете ли вы сына Гелиха?

Я: Нет.

Он: А он сказал...

Я засмеялась.

Он: Да, он в Израиле.

4-й вопрос из протокола:

Он: Знаете ли вы, что 29 ноября при обыске на квартире Нудельмана в г. Свердловске были изъяты а.с.* материалы?

Я: Не знаю.

---

* Антисоветские. — Р е д .

ЗАЯВЛЕНИЕ ПО ПОВОДУ ДОПРОСОВ В КГБ

В сентябре 1973 года я сделала открытое заявление о том, что передавала на Запад различные материалы. Заявление это было сделано не из бравады или жажды популярности. Просто я полагала и полагаю, что это нужно людям у нас и за рубежом, и нет другого способа сохранить людской труд, мысли, слова. В числе переданных мной материалов был «Дневник» Эдуарда Кузнецова — трагические страницы, в которых жизнь, смерть, судьба. 13 ноября меня вызвали в следственный отдел, как свидетеля, к следователю Губинскому, но вместо допроса со мной беседовал сотрудник КГБ Соколов*. В пространной беседе с 12.00 до 14.15 мне было сказано, что поручительство моего мужа А. Д. Сахарова и мое за Виктора Хаустова несерьезно, так как оно стало известно за границей и так как я по существу подельница Хаустова и Суперфина. Говорилось еще о многом: что диссиденты мешают демократизации страны, что власти не хотят репрессий, что многие уехавшие из страны хотят вернуться, что Группу 73 и, в частности, Твердохлебова ждут репрессии и что мне надо быть искренней. Потом мне была вручена повестка на 19 ноября — опять к следователю Губинскому. Когда я пришла 19, то со мной разговаривал полковник Сыщиков. Он сказал, что он ответственен — надо понимать, ведет дело — за Хаустова, Суперфина и мое, однако при этом требовал, чтобы я давала показания как свидетель. Мне говорилось, что от моего поведения на следствии зависит судьба и Суперфина, и Хаустова, и Эдика Кузнецова — вплоть до того, что Кузнецову может вновь грозить смертная казнь. Когда я отказалась отве-

---

* «13 ноября» в получ. копии, вероятно, ошибка; 15 ноября, четверг, согл. сообщению агентства ЮПИ от 16. 11. 73; Сергей И. Соколов (см. там же). — Р е д .

чать, мне было сказано, что можно вызвать конвой, то есть арестовать. В конце допроса я отказалась подписать протокол и сделала на нем следующую запись:

«Я отказываюсь давать показания в качестве свидетеля в деле Суперфина, Хаустова и Боннэр, потому что, как сообщил мне полковник Сыщиков, я являюсь одним из соучастников этого дела».

Мне вручена повестка для явки на допрос 20 ноября. 20 ноября допрос вел также полковник Сыщиков. Собственно допроса не было, так как я отказывалась давать показания. Мне было сказано, что я, возможно, больная в психическом смысле, и этим обусловлен мой отказ. Так же, как и на допросе 19 ноября — в смысле угрозы — вспоминались мои дети и говорилось, что я, как мать, должна подумать об их судьбе. По окончании допроса я отказалась подписать протокол и сделала в нем следующую запись:

«Я отказываюсь подписать протокол моего допроса в качестве свидетеля от 20 ноября 1973 года, так как я вообще отказываюсь от дачи показаний в этом деле в качестве свидетеля и прошу оформить мой отказ в соответствии с УПК РСФСР».

Я пишу это заявление не с целью привлечь к себе внимание. Я понимаю, что меня могут арестовать, могут объявить душевнобольной. Мне страшно за себя, но еще больше за свою семью и особенно своих детей. И все же главная цель этого заявления — попытка объяснить, что все это может случиться только потому, что я не отдала в органы госбезопасности или не уничтожила попавший мне в руки «Дневник» Эдуарда Кузнецова. И только ли это — «Дневник»? Может быть, его жизнь, потому что никто не знает, выдержит ли он те 15 лет, которые назначены ему судом, и вообще, можно ли их выдержать?

Ел. Боннэр

20 ноября 1973 года

Прокурору г. Москвы от Литвинова П. М.,
проживающего по адресу: Москва,
ул. А. Толстого, 8, кв. 78

ЖАЛОБА

Вечером 22 октября 1973 года я находился в гостях у моего знакомого М. М. П а н к р а т о в а (адрес: г. Москва, ул. Вавилова, 76, кв. 63). Около 23 часов в квартиру явился человек в штатском, показавший документы на имя лейтенанта милиции *Рождественского*, следователя УВД Октябрьского района г. Москвы. Он предъявил Панкратову обвинение по статье 196 УК РСФСР (подделка документов), кратко допросил его, в 23.00 приступил к обыску квартиры. Вместе с ним в обыске принимали участие два гражданина в штатском, назвавшиеся оба капитанами милиции, но не внесенные почему-то в протокол обыска, а также гражданка без документов. Активно участвовали в проведении обыска и понятые, привезенные с собой следователем, они сразу же начали рыться в вещах хозяев квартиры. Сам обыск проходил очень странно: мало осматривались вещи хозяев, гораздо больший интерес вызвали сумки и портфели гостей. По словам лейтенанта *Рождественского* искали поддельные бланки и печати, но при этом его внимание привлекали преимущественно рукописи, которые он с первого взгляда квалифицировал как антисоветские, и изымал. Следователь *Рождественский* приказал мне (впрочем, как и остальным гостям) показать содержимое моего портфеля. Я подчинился ему как представителю власти, имея в виду, что при моем отказе я буду подвергнут обыску насильно. Однако, когда при составлении протокола я выразил желание внести туда свое заявление, согласно статье 169 УПК РСФСР, лейтенант *Рождественский* мне отказал на том основании, что меня не

обыскивали, а я выдал изъятые у меня записные материалы добровольно.

Позволю себе подытожить все существенные нарушения закона со стороны представителей власти, которыми сопровождалась их акция:

1. Возбуждено дело по подозрению в подделке печати в трудовой книжке, действию в данном случае совершенно бессмысленному — в этом вы можете легко убедиться, ознакомившись с материалами дела. Вместо того чтобы произвести экспертизу и убедиться в том, имело или нет место само событие преступления, следствие начинает с обыска в квартире подозреваемого.

2. Обыск, как видно из протокола, был произведен в ночное время. Статья 170 УПК РСФСР гласит: «Производство... обыска в ночное время, кроме случаев, не терпящих отлагательства, не допускается». Подозрение в совершении преступления, предусмотренного 196 статьей, ч. 1, 3 с максимальной санкцией — 2 года лишения свободы, вряд ли может рассматриваться, как случай, «не терпящий отлагательства», по крайней мере, до утра.

3. Обыска в квартире подозреваемого, по существу, почти не было, кроме самого поверхностного осмотра, зато много внимания было уделено вещам гостей.

4. Изымались рукописи, читались частные письма.

5. Следователь отказался внести мое заявление в протокол обыска, несмотря на то, что я сослался на требование статьи 169 ч. 4 УПК РСФСР: «Лицам, у которых производится выемка или обыск... должно быть разъяснено их право присутствовать при всех действиях следователя и делать заявления по поводу этих действий, подлежащие занесению в протокол». Этим отказом следователь, по существу, подтверждал справедливость моей критики. Надо сказать, что, не желая допустить в протокол такого заявления, следователь тем самым весьма понизил ценность протокола, как юридического документа! Например, в протоколе отмечено, что номера: 3, 4, 5,

6, 7 изъятых предметов обнаружены в портфеле «гражданина Литвинова», но что это за гражданин, его имя-отчество, адрес, какое отношение он имеет к хозяевам квартиры, из чего следует, что это его портфель, на каком основании установлена его личность (вообще, можно ли считать ее установленной)?

Некоторый личный и обобщение чужого опыта позволяет мне с большой вероятностью предполагать, что вышеизложенные заведомые нарушения закона лейтенантом Рождественским и его помощниками произошли не только и не столько по незнанию закона или неуважению к нему, хотя и это имело место, а потому что лейтенант милиции взялся не за свое дело, выступая в качестве подставного лица с выдуманном делом по поручению органов государственной безопасности, осуществляющих опеку над мыслью и словом. Насколько я знаю, это не первый случай такого рода.

Однако даже образовавшаяся традиция нарушения закона не может оправдать этого нарушения.

Прошу прокуратуру вмешаться в данное дело, прекратить незаконные действия, осудить подобную практику и вернуть предметы, отобранные незаконным путем.

П. М. Литвинов

21 ноября 1973 года

В Прокуратуру СССР, прокурору по надзору
за следствием КГБ

копия: начальнику следственного отдела УКГБ
по Москве и Московской области
при Совете Министров СССР

от гражданки К р и с т и Ирины Григорьевны,
проживающей по адресу — Москва,
ул. Лавочкина, д. 44, корпус 2, кв. 459

ЖАЛОБА

Как мне стало известно, в постановлении следственных органов по делу Ш и х а н о в и ч а утверждалось, что обвиняемый передал мне машинописный сборник под названием «Смех после полуночи»*. В указанном постановлении говорилось далее, будто этот эпизод подтвержден моими показаниями. В действительности я никогда не подтверждала этого факта, и в следственном деле, соответственно, не может быть никаких моих показаний подобного рода. Таким образом, по меньшей мере в одном пункте постановления налицо грубая фальсификация доказательства по делу Шихановича. Возможно, следователь КГБ подполковник Галкин В. К. рассчитывал на то, что эта фальсификация останется необнаруженной, но у меня нет желания вдаваться в анализ профессиональной психологии чекиста, у которого, по определению основателя ЧК, должны быть «холодная голова, горячее сердце и чистые руки». Возможно, пересказывая эту широко известную цитату, я допустила неточность, но уверена, что эта неточность значительно меньше, чем та, которую допустил следователь по отношению ко мне. Если вы, как страж закона, согласны с тем, что материалы следствия по обвинению Шихановича не должны одно-

---

* «Г р а н и» № 85, 1972. — Р е д .

временно свидетельствовать о способностях следователя Галкина к явным фальсификациям, то я прошу вас принять соответствующие меры и уведомить меня о них.

Ирина Кристи

4 декабря 1973 года

ЗАЯВЛЕНИЕ ДЛЯ ПРЕССЫ

3 ноября прошедшего года госбезопасность произвела обыск в моем доме — «по делу № 24», как было сказано в ордере, то есть по делу о «Хронике».

Я прекрасно понимал, что ссылка на «Хронику» — только предлог порыться в моих бумагах. Действительно, хотя у меня не нашлось ничего, даже косвенно относящегося к этому делу, обыскиватели увезли из дома буквально все напечатанное на машинке или написанное от руки: безымянную работу «Системный взгляд на историю», анонимные стихи, статьи на злободневные темы, машинописный экземпляр «Август Четырнадцатого», мои личные дневниковые записки и черновики и т. п. Я отправил жалобу Генеральному прокурору *Руденко*, требуя вернуть мне мои бумаги. Вместо ответа я получил к Новому году повестку — явиться для допроса в КГБ.

И вот допрос состоялся. Привожу его в сокращенном виде, стараясь передать лишь самое примечательное со всей возможной точностью.

После обязательных формальностей старший следователь по особо важным делам *Харитонов* предложил мне рассказать, что я знаю по делу № 24, то есть о «Хронике». Я ответил, что «Хронику» знаю лишь понаслышке; то, что знаю о ней, дает мне основание считать ее важным дополнением к советской прессе.

На этом с «делом № 24» было покончено. Далее *Харитонов* перебирал отобранное у меня на обыске, задавая вопросы, что это такое, чье, откуда я взял и с какой целью хранил эти бумаги. Я неизменно отказывался отвечать на эти вопросы, поскольку не считаю эти материалы криминальными, и требовал их возвращения. *Харитонов* зачитывал: «Следствием установлено, что в таком-то документе содержатся

элементы идеологии, враждебной нашей, в таком-то имеется резкий выпад против наших порядков» и т. д. Об «Августе Четырнадцатого» он сказал, что эта книга издана на Западе и используется враждебной Советскому Союзу пропагандой, что в моем экземпляре имеются фотографии царя и царских генералов, не опубликованные в нашей литературе, и этого всего достаточно, чтобы считать книгу криминальной.

Дошло до моих личных записей.

Харитонов: Что это такое?

Я: Это мои дневниковые записи. Я требую их возвращения.

Харитонов: Для чего вы их писали? Как были намерены их использовать?

Я: Пока сам не знаю.

Харитонов: Мы их изучили, эти записи могут быть использованы для создания произведения, и даже не одного.

Я: Вы не имели права их отбирать, исследовать и тому подобное, вы не можете делать о них выводы, так как даже я сам не знаю, что из них может получиться.

Харитонов читает мне заготовленное заключение о моих записях. Я не запомнил дословно это заключение, но смысл его сводился к тому, что мои записки являются черновыми планами будущих произведений, которые, судя по записям, будут проникнуты враждебной идеологией и клеветой на советскую действительность; если эти будущие произведения попадут на Запад, они смогут быть использованы враждебной пропагандой во вред нашему государству.

— Поэтому, — сказал Харитонов, — ваши записи не будут вам возвращены.

После этого я вообще отказался от дальнейшего участия в допросе.

Когда Харитонов оформил запись допроса, он сказал, что со мной будет официально беседовать другой сотрудник ГБ, майор Жернов.

Жернов: Вы неоднократно судимы, но не исправились и продолжаете заниматься антиобщественной деятельностью. В соответствии с Указом Президиума Верховного совета СССР от 25 декабря 1972 года объявляем вам предостережение.

Я: Что это за указ?

Жернов показал мне этот документ. В указе было сказано, насколько я его понял, следующее: лицам, совершившим антиобщественные поступки, не влекущие за собой уголовной ответственности, органы дознания могут объявлять предостережение о том, что если они будут продолжать совершать подобные действия, то их будут привлекать к уголовной ответственности. Я никак не в состоянии понять логику этого указа, потому спросил, опубликован ли он где-нибудь, например, в «Ведомостях Верховного совета» или в газетах.

— Нет, — ответил мне Жернов, — не опубликован, мы вам его сообщаем, он есть и имеет юридическую силу.

Я: Так это самиздатский документ!

Жернов был взбешен: На кого вы руку поднимаете, какой вы советский человек!

Я: Советский человек должен жить по законам писаным, а этот указ суется из-под полы вам и мне.

После очередного взрыва возмущения Жернов дал мне прочесть «Постановление о предостережении»: книга «Мои показания» (антисоветская и клеветническая); письма, тоже клеветнические, в международные и советские организации и в западные газеты; участие в антиобщественной деятельности группы Якира, Литвинова, Богораз, Григоренко и Горбаневской; материалы обыска 3 ноября 1973 года указывают на продолжение антиобщественной деятельности.

В «предостережении» (как и в указе) я не уловил логики, поэтому отказался подписать его.

Между прочим, во время спора с Жерновым, когда я пытался доказать, что, с какой стороны ни толкуй, перечисленные мне действия не подпадают под указ, он сказал: «Они (действия — А. Марченко) ныне уголовно не наказуемы, поскольку вы уже были за них наказаны в 1968 году, — нельзя дважды судить за одно и то же».

Я: Так вы утверждаете, что меня осудили за «Мои показания» и письма? А ведь судили по статье 198, за нарушение паспортного режима...

Жернов: Ну, вы же сами понимаете, что по существу — за вашу деятельность.

После допроса и беседы я понял лишь одно: и обыск, и допрос, и предостережение — все это нужно для того, чтобы запугать меня, заставить молчать. Одних беспокойных людей торопят с отъездом из страны (кстати, приблизительно месяц назад косвенным путем и мне было предложено выехать из страны, как можно скорее, иначе мне придется «вернуться в те места, откуда приехал», то есть в лагерь); в других случаях вот этот самый указ и соответствующее предостережение используются в качестве кляпа; иных пытаются связать круговой порукой — так, например, в течение 1973 года допрашиваемых по делу № 24 предупреждали, что если выйдет очередной номер «Хроники», то арестуют А. Я к о б с о н а. Людей известных (Сахарова, Солженицына) пытаются опорочить публично, в прессе и тоже запугать, шантажируя участью родных. КГБ стремится к тому, чтобы в стране воцарилась снова тишь да гладь, чтобы в соответствии с «национальными обычаями», любезными нашему руководству, снова стало так, как писал Шевченко:

От молдаванина до финна
На всех языках все молчит,
Бо благоденствует.

Я считаю необходимым рассказать о своей ситуации, так как, во-первых, она достаточно характерна на сегодняшний день, во-вторых, в огласке я вижу единственное средство самозащиты. Иначе — для того, чтобы быть в безопасности, да и то относительной, мне надо было бы разучиться грамоте.

А. Марченко

9 января 1974 года
г. Таруса, Калужской области,
ул. Луначарского, 39.

Главному редактору газеты «Вечерняя Москва»
копия: главному редактору «Известий»

В прошедшем году в Москве было арестовано необычно много лиц с обвинением по статье 70 УК РСФСР. Статья эта особенная — «Антисоветская агитация и пропаганда», в диспозиции ее существенна субъективная сторона деяния — наличие умысла, а именно того, что обвиняемый действовал «в целях подрыва или ослабления Советской власти, либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений». Значительное число обвиняемых и указанная особенность, в совокупности, настоятельно требуют, по моему разумению, соответственно широкого и подробного освещения всех обстоятельств, имеющих отношение к печальной статистике преследований по 70 статье.

Я обращаюсь с этим ходатайством, прежде всего имея в виду тех, кто считает своим неотъемлемым правом искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ, не желая преступать при этом границы ныне дозволяемого властью. Знать «что можно, а чего уже нельзя» для них и их семей жизненно необходимо.

Я полагаюсь также на Вашу сопричастность к властям. Ведь если я не ошибаюсь, Ваша газета не является оппозиционной и Вы, должно быть, заботитесь о том, чтобы действия следствия и суда не вызывали в публике нежелательных толков и пересудов. Один необычный политический процесс над одним обвиняемым всегда порождает массу сомневающихся в его законности, справедливости или

необходимости. Когда же число таких обвиняемых насчитывает десятки, то сомневающихся становится существенно меньше. Если же таких обвиняемых будет сотни и более, то сомнений уж ни у кого не возникает. Дело только за прессой.

Указывая на это обстоятельство, считаю необходимым отметить, что я не принадлежу к тем, в чьих глазах авторитет власти будет укрепляться по мере возрастания числа репрессий, проводимых в целях утверждения или усиления Советской власти, либо свершения отдельных особо насущных интересов государства. И не хочу создавать впечатление, что в своем ходатайстве я рассчитываю на то, что Ваша личная позиция в этом вопросе иная, нежели моя. Но Ваш ответственный пост требует, так или иначе, принять во внимание указанное обстоятельство.

Надеясь, что и мои личные усилия помогут в реализации возникшего интереса,

примите и прочее,

А. Твердохлебов

Москва, К-64, ул. Чкалова,
д. 14-16, кв. 76

Р. С. У Вас могут возникнуть трудности при конкретном изучении вопроса. Дело в том, что следственные и судебные органы не любят делиться с публикой имеющимися у них материалами, если только это не происходит по их собственной инициативе. На этот случай Вам могут помочь прилагаемые мной сведения о некоторых из обвиняемых по 70-й статье за прошедший год.

Приложение

1. Белогородская Ирина, химик, 1938 г. р., арестована 3 января 73 г., дело № 24, ст. 70, дело ведется УКГБ СМ СССР.

Супруг: Делоне Вадим, проживает по адресу: Рязанский пр., д. 73, кв. 90, телефон 371 47 04.

2. К р а с и н Виктор Александрович, экономист, 1929 г. р., арестован 12 сентября 72 г., дело № 24, ст. 70, дело ведется УКГБ СМ СССР, следователь *Александровский*.

Адрес: ул. Удальцова, д. 69-Б, кв. 31 (по этому адресу проживает его мать).

3. Л ю б а р с к и й Кронид Аркадьевич, астроном, кандидат физико-математических наук, 1934 г. р., арестован 17 января 72 г., дело № 370, ст. 70, дело слушалось в г. Ногинске 26—30 октября на выездной сессии моск. обл. суда, приговор 5 лет лишения свободы не вступил в силу, т. к. еще не прошел кассационную инстанцию.

Супруга: С а л о в а Галина Ильинична, адрес: Московская обл., Ногинский р-н, пос. Черноголовка, д. 26, кв. 35.

4. М у х а м е д ь я р о в Роальд Гашимович, 1934 г. р., арестован 5 сентября 1972 года, вначале дело велось УКГБ СМ СССР под № 24, ст. 70, а с конца декабря ведется УКГБ по Москве и Московской обл. под № 397 (?), статья та же, следователь *Коркач*.

5. П о п о в Владимир Георгиевич, арестован 11 июля 1972 года, дело № 24/1972, ст. 70 велось УКГБ по Москве и Моск. обл., следователь *Каталиков*. Дело слушалось в Мосгорсуде 22 ноября 1972 года, судья *Богданов*, приговор 3 года условно с 5-летним испытательным сроком.

6. С т а р ч и к Петр Петрович, арестован в апреле 1972 года, дело № 374, ст. 70, велось УКГБ по Москве и Моск. обл., следователи: сначала *Бардин*, затем *Трофимов*. Суд, состоявшийся в конце года, признал его невменяемым и вынес решение о принудительном помещении в спецпсихобольницу.

Адрес: Москва, 117419, 2-й Верхнемихайловский пр-д, д. 7, кв. 27.

Супруга: С т а р ч и к Саида Мансуровна, телефон 234 70 57.

7. Ш и х а н о в и ч Юрий Александрович, математик, кандидат педагогических наук, 1933 г. р., арестован

стован 28 сентября 1972 года, дело № 380, ст. 70, ведется УКГБ по Москве и Моск. обл., следователи Галкин В. К., Смирнов Н. А.

Адрес: Москва, А-83, Мишина ул., д. 12, кв. 100.

Супруга: Плюснина Алевтина Петровна, телефон 258 30 36.

8. Якир Петр Ионович, историк, 1923 г. р., арестован 21 июня 1972 года, дело № 24, ст. 70, ведется УКГБ СМ СССР, следователь Кислых Г. Б.

Адрес: Москва, Ж-280, Автозаводская, д. 5, кв. 75.

Супруга: Савенкова Валентина Ивановна, телефон 275 21 15.

Замечания при публикации

Публикуя это письмо, заключаю его некоторыми замечаниями.

1. Список Приложения к письму добавился еще одним арестованным:

9. Хаустов Виктор Александрович, 1938 г. р., арестован 17 января 1973 года, дело № 25, ст. 70+72(?), дело ведет УКГБ по г. Орлу и Орловской области.

Супруга: Иофе Ольга, проживает по адресу: Москва, 105118, Е-118, 8-я улица Соколиной горы, д. 7, кв. 131, тел. 265 87 45.

2. Я пока не получил ответ ни в явной форме ответного письма, ни в неявной форме публикации на эту тему в «Вечерней Москве» или «Известиях».

3. Следственные органы, в отличие от практики прежних лет, не столь тщательно заботятся о тайне следствия. Скорее наоборот, ощущается стремление определенным образом информировать о ходе следствия близких и друзей обвиняемых, в частности по делу № 24.

Стало известно, например, что дело № 24 касается издания и распространения периодического журнала «Хроника текущих событий», 27 номеров которой вышло с 1968 до конца 1972 года, и «передачи на Запад» подрывающей или ослабляющей совет-

скую власть информации, к каковой следственные органы относят и «Хронику».

По этому делу с начала года был допрошен не один десяток свидетелей и произведен не один десяток обысков. Свидетелями, в частности, проходили по этому делу: Г. Амальрик, В. Балашов, В. Бахмин, М. И. Белогородский, И. Белогородская, Т. М. Великанова, Г. Габай, И. Габай, Е. Гайдуков, Ю. Гендлер, В. Делоне, А. Дубров, Н. Емелькина, отец Сергей Желудков, Л. Зиман, И. Каплун, М. Л. Каплун, Л. Кардасевич, Ю. Ким, Комаров, И. Кристи, Е. Кушев, Л. Кушева, Д. Марков, А. Найденович, Л. Пинский, В. И. Савенкова, А. Л. Смелянская, Г. Г. Суперфин, В. А. Тимачев, Т. С. Ходорович, В. Н. Чалидзе, Н. Я. Шатуновская, А. Якобсон, И. Якир, сослуживцы П. И. Якира и те, кто знал его по Историко-архивному институту.

4. До сих пор трудно составить четкое представление о том, в каких рамках ограничивается свобода информации. Здесь мог бы помочь индекс запрещенных к обращению книг, текстов или изданий, хотя, разумеется, специальное законодательство о свободе информации было бы значительно приятнее. Приведу один относящийся к этому вопросу текст (перевод из журнала «Ежемесячная Хроника ООН», т. IX, № 4, апрель 1972 г., англ.; курсив мой — А. Т.):

«Периодические сообщения о правах человека: заседания ad hoc Комитета

Ad hoc Комитет по периодическому информированию о состоянии прав человека в различных странах собирался с 22 февраля по 1 марта. Комитет был учрежден Комиссией по правам человека в 1965 году с целью изучения и оценки информации о правах человека и подготовки рекомендаций для Комиссии.

После изучения сообщений, поступивших от 31 правительства и трех специализированных агентств по свободе информации, Комитет единогласно одобрил доклад, направленный на рассмотрение Комиссии. В нем рассмотрены рекомендации Объединенной инспекционной комиссии о путях сокращения объема документации, поступающей в ООН. Доклад решено передать на отзыв каждому члену Комиссии по правам человека, без выработки окончательных рекомендаций. *Единогласно одобренная резолюция призывает государства-члены ООН и специализированные агентства активизировать их индивидуальные и совместные усилия по повышению уровня и стандартов в деятельности по сбору и распространению информации, расширять возможности пользоваться свободой информации для всего населения и содействовать развитию и защищать эту свободу, как она определена во Всеобщей Декларации прав человека.*

Рассмотренные Комитетом сообщения поступили из следующих стран: Австрии, Бельгии, Камеруна, Канады, Эквадора, ФРГ, Финляндии, Франции, Исландии, Ирландии, Италии, Японии, Кувейта, Лихтенштейна, Люксембурга, Мадагаскара, Мексики, Нидерландов, Новой Зеландии, Никарагуа, Норвегии, Польши, Сингапура, Швейцарии, Тринидада и Тобаго, Украинской ССР, СССР, Соединенного Королевства, США и Югославии. Доклады были также направлены ЮНЕСКО, Международной организацией труда и Всемирным почтовым союзом.

Председателем-корреспондентом *ad hoc* Комитета был Илюминадо Г. Торрес (Филиппины). В качестве членов комитета были представлены Франция, Филиппины, Польша, Сенегал, СССР, Соединенное Королевство, США и Венесуэла».

Конечно, в сложном государственном механизме одно ведомство легко может не знать, что творит другое. Тем больше оснований опубликовать этот текст, поскольку нетрудно понять, что вероятнее

всего сотрудники КГБ чаще читают Самиздат, чем ООН-овские документы.

5. Многое, в частности необычная степень гласности предварительного следствия, позволяет надеяться и на большую степень гласности предстоящего, по-видимому, процесса по делу № 24. Поможет ли этот процесс сделать вывод о необходимости выработать проект и принять законодательство о свободе информации, которое явилось бы проекцией на советское право статьи 19 Всеобщей Декларации прав Человека? Сомнительно, хотя циркулирующие сообщения о ратификации Советским Союзом Женевской конвенции по охране авторских прав дают и здесь некоторую надежду.

А. Твердохлебов

10 марта 1973 года

ИНДЕКС ИМЕН

Авторханов А. А. 20	Габай Галина 94
Александровский след.	Габай Илья 94
92	Гайдуков Е. 94
Альбрехт Вл. Ян. 25,	Галкин В. К. след. 64-84,
31, 50	93
Альбрехт Ян 37	Гальперина Т. 61, 65,
Амальрик (Макудинова)	71, 72
Гюзель 94	Гелих А. И. 61-77
Андреев Даниил 56	Гендлер Ю. 94
Андропов Ю. 41	Горбанавская Н. Е. 87
Ахматова Анна Андр. 56	Горький М. (Пешков А.)
Ахундов 43	43
Балашов В. 94	Григоренко Петр Гр. 38,
Барабанов Евг. 57-59	87
Бардин след. 92	Губинский след. 78
Барсова 44	Даниэль Ю. 55
Бахмин В. 94	Делоне Вадим 91, 94
Бейлина Дина 61, 64	Джабаев Джамбул 24, 44
Белинский Висс. 45	Долгий В. М. 60
Бёлль Генрих 22	Дубров А. 94
Белгородская Ир. Мих.	Дуров Вл. 44
23-33, 91, 94	
Белгородский М. И. 94	Ежов Н. 43, 44
Бердяев Н. А. 56, 60	Емелькина Над. 94
Богданов судья 92	Есенин Серг. 41
Богораз Лариса 87	Есенин-Вольпин см.
Боннэр Ел. 50, 59, 79	Вольпин
Борисов Вл. 38	Желудков С. свящ. 94
Буробина Е. В. 10	Жернов след. 87
Бухарин Н. 43, 45	Жучков Анат. Гавр.
Васак Карл 52	след. 22, 25, 31-36, 40
Великанова Т. М. 94	
Волкова Октябрина Ф.	Зиман Л. 94
10, 11	Ильин О. Ф. след. 53
Вольпин А. С. 28, 64	Иофе Ольга Ю. 93

Каплун Ирина 94
 Каплун М. Л. 94
 Кардасевич Л. 94
 Карсавин Лев 56
 Кассен Рене 52
 Каталиков след. 92
 Ким Ю. 94
 Киров С. 43
 Кислых Г. Б. след. 93
 Козорезов А. Т. 7, 9
 Козорезова А. Т. 7, 9
 Комаров 94
 Корнилов Ю. 50
 Коркач след. 92
 Красин Викт. А. 26, 92
 Кристи Ирина Гр. 83, 84, 94
 Кузнецов Эд. 56, 60, 78, 79
 Куйбышев 43
 Кушев Евг. 94
 Кушева Л. 94

 Ланда М. Н. 21
 Ленин (Ульянов) В. 23, 28, 44
 Литвинов П. М. 80, 82, 87
 Любарский Кронид Арк. 92

 Макудинова см. Амаль-рик
 Мамонтов прок. 7
 Мандельштам О. Э. 56, 60
 Марков Д. 94
 Марченко Анат. Тих. 88, 89
 Маяковский Вл. 43
 Москвин 44
 Мухамедьяров Р. Г. 92

Мясоедов А. 69, 70
 Мясоедова Алла 61-75

 Найденович Адель 94
 Николай I импер. 43
 Нудельман Вл. Серг. 77

 Окуджава Б. 41
 Орлова Н. И. 5
 Осипов Вл. Н. 5, 6

 Палах Ян 37
 Панкратов М. М. 80
 Пастернак Борис 56
 Пинский Л. 94
 Плюсина Алевт. П. 93
 Плющ Леонид 38
 Подгорный Н. 10
 Подъяпольский Гр. 58
 Попов Вл. Г. 92

 Рабинович 32
 Радыгин Анат. 56
 Рейзен 44
 Рождественский след. 80
 Рудаков Ив. 30
 Руденко Р. 7, 10, 85
 Рыжова 44
 Рыков 43, 45

 Савенкова В. И. 93, 94
 Салова Г. И. 92
 Самосуд 45
 Сахаров А. Д. 50, 58, 60, 78, 88
 Синявский А. Д. 55
 Смелянская А. Л. 94
 Смирнов Н. А. след. 93
 Соколов С. И. след. 78
 Солженицын А. И. 41, 60, 88

Соловьев В. С. 54	Хайянов Ф. 41
Сталин (Джугашвили) И. 14, 43, 44	Харитонов след. 85-87
Старчик П. П. 38, 92	Хаустов Викт. 78, 93
Старчик Саида М. 92	Ходорович Т. С. 94
Суперфин Г. Г. 78, 94	Хомяков А. С. 54
Суров след. 7-9	Цветаева М. 56
Сыщиков след. 60, 78, 79	
Тарасова А. 44	Чалидзе В. 94
Твердохлебов А. Н. 52, 78, 91, 96	Шатуновская 94
Тимачев В. А. 94	Шевченко Тарас 88
Толстой Л. Н. 54	Шиханович Ю. 26, 34, 38, 83, 92
Торрес И. 95	
Трофимов след. 92	Якир И. П. 94
Уэллс Гербер 28	Якир П. И. 24, 26, 32, 39, 87, 93
Фейнберг Викт. 38	Якобсон Анат. 88, 94
Флоренский П. свящ. 56	

ИЗБРАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ САМИЗДАТА

до начала выпуска «Вольного слова» печатались в Специальных выпусках «Посева». В девяти номерах были опубликованы следующие документы:

Первый специальный выпуск (Только в комплектах)

Хроника текущих событий. Выпуски 1 - 6.

Второй специальный выпуск (Только в комплектах)

Хроника текущих событий. Выпуски 7 - 9.

Третий специальный выпуск (Только в комплектах)

Хроника текущих событий. Выпуски 10 и 11. — Дело Ю. В. Мальцева (6 документов об отказе от советского гражданства и желании выехать из СССР).

Четвертый спец. выпуск (Только в комплектах)

Хроника текущих событий. Выпуски 12 и 13. — Сокращенная запись судебного процесса Ильи Бурмистровича. — Письмо жены И. Бурмистровича Ольги Кислиной прокурору г. Москвы.

Пятый специальный выпуск

Хроника текущих событий. Выпуск 14. — О процессе Л. Квачевского. — Институт имени Сербского используется для политических репрессий (3 документа). — Дело Г. О. Алтуняна (2 документа). — О некоторых выступлениях бывшего полковника КГБ Льва Василевского. Автор Л. Анти-Тарасов. — Юридическая памятка. А. Есенин-Вольпин.

Шестой специальный выпуск

Хроника текущих событий. Выпуски 15 и 16. — Добавление к «Хронике». — Документы о преступлении против человечности (6 писем-обращений к Комитету защиты прав человека ООН от крымских татар). — Преступление и наказание. Выпуск 2. (О нравах палачей-чекистов). — Пакт о гражданских и политических правах и советское законодательство. Автор А. С. Вольпин.

Седьмой специальный выпуск

Исход. Выпуски 1 и 2. — Групповые обращения (4 документа). — Ленинградский процесс (4 документа). — Еврейский вопрос в СССР. Тезисы.

Восьмой специальный выпуск

Хроника текущих событий. Выпуски 17 и 18. — Приложение к «Хронике» № 17. — Bravo, товарищ Толстиков! Автор Евг. Смирнов. — Обращение рабочих г. Выжгорода в ЦК КПСС.

Девятый специальный выпуск

Хроника текущих событий. Выпуски 19 и 20. — Репрессированных в 1960-х годах. — Критика Л. Богораза советских законов (2 письма депутатам Верховного совета). — пытки продолжаются. Обращение И. А. Кандыбы в Комиссию прав человека ООН.

Цена оставшихся отдельных экземпляров Специальных выпусков «Посева» — 6 н. м. плюс пересылка. Цена комплекта — 150 н. м. Заказы принимает издательство «Посев».

СОДЕРЖАНИЕ

Заявление В. Н. Осипова	5
Заявление А. Козорезовой	7
Заявление О. Волковой	10
М. А. ЛАНДА. ВМЕСТО ПОСЛЕДНЕГО СЛОВА. Предварительные замечания	12
В. АЛЬБРЕХТ. СВИДЕТЕЛЬ ПО СОБСТВЕННОМУ ДЕЛУ	
Часть первая	
Часть вторая. Надо собраться с мыслями	36
Заявление В. Альбрехта	49
Заявление об обыске А. Н. Твердохлебова	51
Заявление для прессы Евгения Барабанова	53
О заявлении Евгения Барабанова. А. Сахаров и Г. Подъяпольский	58
О заявлении Барабанова. Елена Боннэр	59
Друзьям. Сообщение об обыске В. Н. Долгого	60
Заявление о печати А. Мясоедовой	61
Заявление А. И. Гелиха	62
Изложение допросов Д. Бейлиной	64
Заявление Ел. Боннэр по поводу допросов в КГБ	79
Жалоба П. М. Литвинова	80
Жалоба Ирины Кристи	83
Заявление для прессы А. Марченко	85
Письмо в «Вечернюю Москву» А. Твердохлебова	90
Индекс имен	97

